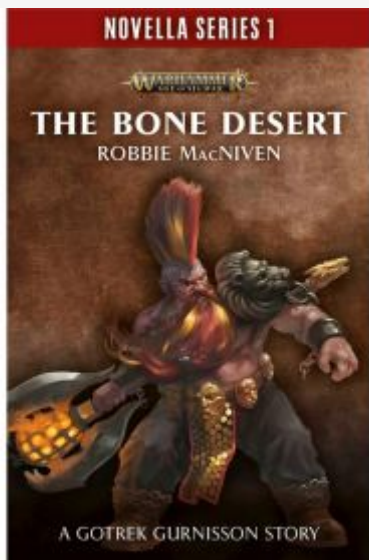

Костяная пустыня / Bone Desert (новелла)

WARPFROG

Гильдия Переводчиков Warhammer

Костяная пустыня / Bone Desert (новелла)

Автор	Робби Макнивен / Robbie MacNiven
Переводчик	Serpен
Издательство	Black Library
Серия книг	Готрек_Гурниссон_/_Gotrek_Gurnisson_(цикл)
Входит в сборник	A Gotrek Gurnisson novella
Год издания	2018
Подписаться на обновления	Telegram-канал
Обсудить	Telegram-чат
Скачать	EPUB , FB2 , MOBI
Поддержать проект	

Мир, который Готрек Гурниссон знал, давно погиб, вместе со всеми, кто был не безразличен легендарному истребителю чудовищ. Оказавшись в новом любопытном веке, гном путешествует по костяной пустыне в поисках топора, который он унаследовал от бога Гримнира. Когда на него совершается череда покушений, Готрек и его спутница альвийка Маленет понимают, что не только хищные звери и зыбучие пески хотят их убить. Героический гном уверен, что эти тщательно спланированные и изобретательные атаки - работа его давнего заклятого врага - скавена Танкуоля. Но так ли всё на самом деле?

Содержание

Пролог

Глава первая

Глава третья

Глава четвёртая

Глава пятая

Глава шестая

Глава седьмая

Глава восьмая

Глава девятая

Глава десятая

Глава одиннадцатая

Глава двенадцатая

Глава тринадцатая

Пролог

«Приют Хасима» закрылся рано. Сам Хасим, которого редко видели в гашамном притоне, появился вскоре после наступления темноты вместе с парой крепких телохранителей-карамцев. Они принялись выводить посетителей, неважно насколько те были пьяны или одурманены. Тех, кто пытался сопротивляться, вышвырнули силой. Завсегдатаи проявили намного больше выдержки и спокойствия. Даже под опиатами притона они не были настолько глупы, чтобы спорить с Хасимом. Не сегодня. Не тогда, когда обычно невозмутимый торговец гашамам был столь явно напуган.

Передние окна и двери были закрыты на запоры, но и за закрытыми дверями продолжали вершиться дела. Задние комнаты были заняты, купленные по цене, которую, надеялся Хасим, ему больше никогда не предложат. Не отпуская телохранителей, он ушёл в свои личные покои и забаррикадировал дверь до конца ночи.

Его новые клиенты не были теми людьми, с которыми ему бы хотелось провести ночные часы.

- Баркаш? - спросил один из них. Задняя комната «Приюта» обычно предназначалась только для самых богатых клиентов, но с новыми законами правящего совета города для делишек в городском центре наступили тяжёлые времена. Нынче комната превратилась в складское помещение, стены были заставлены мешками с неотфильтрованными листьями гашама и различной контрабандой, которую криминальная сеть Хасима заполучила за эти годы - шёлк из Мерпорта, поддельные монеты, выкованные ренегатами из банкирской гильдии Джелали, запасы зерна торговцев, желающих избежать городской рыночной десятины. Воздух, освещаемый единственной свечкой, стоящей на низком столике посреди комнаты, был мутным и густым от пыли.

- Да, - пришёл ответ на вопрос. - Цель будет на месте, как ожидается, в течение следующих трёх дней. Как долго они останутся, я не знаю, но не думаю, что они станут задерживаться.

- А после Баркаша? - снова спросил первый. Он был харадронцем, облачённым в громоздкие серебристые

□

доспехи и эластичный небесный костюм бывалого небеснорождённого налётчика-дуардина. Его лицо скрывала мрачная позолоченная маска предка. Рядом с ним стоял ещё один его сородич, легко закинув на плечо мушкетон.

- Дальше не знаю, - ответил голос, источник которого скрывался где-то в тени в дальней части помещения, - но, скорее всего, Халед-Туш, а потом Восемь Столпов или храм Молний.

Среди собравшихся раздался шёпот переговоров. Помимо харадронцев в комнате находилось ещё четверо. Двое были человеческим женщинами, черноволосыми и черноглазыми, одетыми в мерцающие, многоцветные шёлковые ткани и жемчужные бусы, традиционные для племенных танцоров Альхараба. Третий стоял отдельно, из-за плотного плаща и непрозрачной вуали было трудно определить его пол и вид.

- И вы хотите, чтобы цель умерла? - спросила одна из танцовщиц. - Не схвачена?

- Мертва, - прошипел голос. - Плюс доказательства того, каким бы способом вы этого не добились.

За этими словами на комнату опустилось молчание, нарушаемое лишь скрежетом крыс, которые, казалось, наводняли притон.

- Полная оплата только той группе, что совершит убийство? - наконец нарушил тишину один из харадронцев.

- Правильно, дуардин.

- Тогда чего мы ждём? - прорычал тот и, кивнув своему сородичу, потопал к двери.

Ассасины ушли, сперва харадронцы, затем альхарабки. Скрытая фигура последовала за ними, так и не произнеся ни слова. Только после того, как они все давно ушли, существо в тени шевельнулось и покинуло заведение Хасима, слившись с воняющей мусором тьмой в разрушенных переулках снаружи.

Только много часов спустя Хасим осмелился проверить заднюю комнату и закрыл оставленную открытой дверь.

Глава первая

- Долго ещё?

Рык Готрека разрушил последнюю надежду Маленет ещё немножко поспать. Она открыла один глаз, чтобы посмотреть на своего спутника, но загорелый дуардин обращался не к ней. Он разговаривал с их проводником.

- Ещё полдня, *селлах*, - ответил Азиз, бросая нервный взгляд назад со своего наместа на передке их фургона. В начале путешествия тощий молодой погонщик не закрывал рта, и по большей части это была нервная реакция на присутствие вечно чем-то недовольного, сварливого дуардина с красным гребнем. Впрочем, угрюмость последнего быстро осушила поток словоизлияний торговца.

- Ты плёл эту ложь ещё полдня тому назад, человеке, - прорычал Готрек. Азиз съёжился, и Маленет недовольно скривилась. Постоянная раздражённость дуардина становилась заразной.

- Храмовые надписи оставались на том месте большую часть века, Готрек Гурниссон, - заговорила Маленет, встревая в торопливые извинения Азиза. - Я сомневаюсь, что один поворот дня к ночи изменит

состояние дел.

Она снова закрыла глаза, пытаясь игнорировать покачивание фургона, мешок муки, трущийся о спину, и адскую жару, от которой она варилась в своей обтягивающей кожаной одежде. Она пыталась игнорировать само бытие, но безуспешно. Безмолвно Маленет прокляла всё это - жару, путешествие, бессонницу. Но сильнее всего она проклинала Готрека Гурниссона, величайшего истребителя чудовищ мёртвой эпохи и - по словам некоторых - полубога, и защищать коего Маленет обязалась клятвой убийства.

Как будто безумный ищущий гибели, увенчанный гребнем красных волос, нуждался в её защите.

- Будут ли там другие гномы? - услышала она его вопрос. Судя по страдальческому молчанию, следовавшему за ним, Азиз явно был поставлен им в тупик.

- Будут ли... *дуардины*, у форпоста? - перефразировал Готрек, явно с неким трудом произнеся новое имя своего народа.

- А как же, селлах! - нетерпеливо воскликнул Азиз, хватаясь как соломинку за любые хорошие вести, которые мог поведать своему раздражительному попутчику. - Это начало Золотого сезона, когда мастера кузнецы Великого Караги выложат свои изделия для племён, курсирующих вдоль троп. Кое-кто из их слуг наверняка уже там.

Готрек сплюнул на золотой песок. Плевок мгновенно зашипел и испарился.

- Тогда, когда мы приедем, тебе лучше держать их подальше от меня и моего топора, - прорычал Готрек. Азиз умолк, явно не желая интересоваться, какой тёмный проступок заставляет одинокого дуардина держаться подальше от сородичей. Маленет же это было известно слишком хорошо. Спустя несколько месяцев с того момента, как Готрек забил старшую руну себе в плоть и связался с её силой, его имя полетело от одного дуардина до другого. Некоторые из огненных истребителей считали, что Гримнир перековался и их разрушенный бог снова стал целым. Прошло не так много времени, прежде чем их преклонение вывело Готрека из себя. Он отослал их всех прочь, связав клятвой не следовать за ним. Всех, кроме Маленет.

Это удивило её. Она готовилась к тому дню, когда он решит избавиться от её компании, и заготавливала аргументы для спора. Главным из тех, что могли быть услышаны дуардином, - что она была связана клятвой защищать старшую руну, пусть даже та была вбита в безумное сердце ищущего гибели. Она не могла оставить вещь, столь важную для ордена Азира, без охраны, и поэтому она не могла покинуть Готрека.

Но, Бог Убийства, как бы ей хотелось.

Сфокусируйся, Ведьмин Клинок, прошептал голос прежней госпожи Маленет, связанный с пузырьком крови, который она носила в ладанке на шее. *Сейчас не время потакать своим желаниям.*

Она открыла оба глаза и оглядела Истребителя и руну на его груди. Выкованная в виде мрачного подобия лица бога Гримнира, она сверкала глубоким золотым блеском, как если бы испивала силу из сердца пустыни. То же самое нельзя было сказать об остальном теле Гурниссона. Его обнажённые руки и торс под непрерывным светом Хиша обгорели до красного цвета сырого мяса, закручивающиеся татуировки уже практически потерялись из-за отшелушивающейся кожи. И, тем не менее, он не выказывал ни малейшего неудобства от жара, хотя она могла поклясться, что видела волдыри, появляющиеся на его опалённой коже. Она посоветовала ему хотя бы набросить плащ, даже предложила

свой, но он не повёл и бровью. По словам Истребителя, причудливая одежда и плащи для умги, а не для гномов.

Дуардин шевельнулся, заметив внимание Маленет. Его единственный глаз переместился с огнестормовой секиры, лежавшей на коленях дуардина, на неё, и Маленет обнаружила, что поспешно опустила глаза, прежде чем встретиться взглядом с его единственным оком. Это было чувство, которое она редко ощущала, покидая храмы Убийства. Было что-то во взгляде его единственного глаза - больше чем мрачная решимость, больше чем каменная твёрдость, огонь, который, казалось, мог сжечь всех, кто осмелился бы прикоснуться к нему. Это был глаз существа, которое видело больше, чем следовало. Глаз, который, несмотря на всё её личное презрение к подобной точке зрения, мог принадлежать божеству не из Смертных Владений.

- Пить, альв.

Это было утверждение, а не вопрос. Маленет поняла это, когда увидела, что Готрек протягивает ей кожаный бурдюк с водой. Она потянулась через разделяющие их мешки и взяла его.

Она даже не понимала, как сильно хотела пить. Обезвоживание было лишь одной из тысяч смертельных опасностей пустыни. Жить в этих местах - бросать вызов судьбе. В частности здесь, в этой части Костяной пустыни ничто не жило за пределами фургона, за исключением выбритого кабана-секача, что ташил его. Вокруг было лишь море волнистых, обесцвеченных жёлтых дюн, изредка прерываемое древними костяками огромных зверей. Некоторые утверждали, что именно благодаря им пустыня и получила своё название. Другие же заявляли, что и сам песок был костяной пылью, нанесённой в виде порошка горячим, словно из печки, ветром из владений бога резни.

Не стоило думать о таких вещах. Маленет отправилась в путешествие, ведомая лишь одной надеждой, что они воспользуются возможностью передохнуть в форпосте, контролируемом орденом Азира, глубоко в сердце пустыни, рядом с монументом городу, известному как Восемь Столпов. Вот только Готрек уже отказался от данного предложения. Его целью были сами Столпы. А всё благодаря слуху о том, что среди камней древних руин можно отыскать надпись, подробно повествующую о местонахождении топора Гримнира. Топора, который, как утверждал дуардин, принадлежал ему, когда мёртвый мир ещё был жив.

- Допей, - сказала Маленет, бросая полупустой бурдюк обратно. Истребитель не дёрнул и мускулом, когда тот шлёпнулся ему на колени. Маленет подавила желание рывкнуть на него.

Азиз поклялся доставить их до Халед-Туша, оазиса-поселения в дне пути от Столпов. Они нашли его на рынке Баркаша, молодого владельца упряжки и возницы, который перемещал грузы по пустынным тропам для одного из местных картелей. Единственной золотой монеты, продемонстрированной Готреком, оказалось более чем достаточно, чтобы развеять все его сомнения. Ныне же, три с половиной дня после того, как плодородные земли речного бассейна Баркаша уступили место запустению бесконечных песчаных дюн, Маленет начала задумываться о том, чтобы сразу по приезде в Халед-Туш рвануть в форпост ордена и притащить слуг Азира прямо к Готреку. Старшая руна должна была изучена и вместе с ней оценены истинные возможности Готрека. Если даже половина окружавших его слухов правдива, то он был слишком ценным и опасным, чтобы позволить ему просто слоняться по Смертным Владениям.

Мысль о том, как сказать ему это, была не самой приятной.

Ты боишься дуардина, прошипел голос госпожи Маленет, бестелесный голос-эхо скользнул прямо в её

мысли. *Ни один из истинных детей Кхаина не стал бы колебаться перед этой неотёсанной расой.*

- Мне бы хотелось увидеть, как этот кхаинит вырвал твоё сердце, госпожа, - мрачно пробормотала Маленет. - Если, конечно, оно у тебя ещё было.

От флакона с кровью ответа не последовало, и она попыталась отвлечься. Фургон резко дёрнулся. Маленет желала оказаться где угодно, лишь бы там не было так жарко и не так сильно трясло. Фургон снова накренился и тянувший его секач издал рёв.

- Что происходит? - спросила она, откидывая капюшон и вставая на колени, чтобы посмотреть вперёд. Они вошли в неглубокую впадину между двумя дюнами, следуя вдоль ряда отбеленных Хишем столбов, что стояли по обочинам, указывая путь на случай песчаной бури. Они приближались к следующему подъёму, что ждал их впереди, но, похоже, секачу что-то мешало.

- *Эша, эша!* - кричал Азиз, тыкая стрелом в покрытый щетиной круп зверя. - *Малики эша!*

- Он застрял в песке, - выглянув из фургона, сказала Маленет, когда секач испустил ещё один испуганный рёв - Мы тонем.

- Но столбы, - заспорил Азиз. - Мы всё ещё на правильном пути, селлах. Здесь не может быть зыбучих песков!

- Ну, очевидно, что это путь всё же неправильный, - огрызнулась Маленет. - Готрек, вставай. Мы должны выбираться из этого фургона. Немедленно.

Дуардин приторочил топор за спиной и, высунувшись за борт, внимательно оглядел дорогу. Колёса фургона уже погрузились в него по самую ось, а проблемы барахтающегося в засасывающем песке секача были видны невооружённым глазом.

- Дюны должны быть стабильными, - сказала Маленет. - Бери бурдюки с водой и прыгай.

- Мы не можем бросить товар! - закричал Азиз, вскарабкавшись в фургон и вцепившись в мешки с едой. - Я не могу потерять их! Они избыют меня, если я привезу хоть на один меньше, чем условился по договору!

- Если промедлишь, то будешь доставлять их в Шаиш, прямо к богу смерти, - рыкнул Готрек, хватая сумку и два ближайших меха с водой и привязывая их к поясу. Даже сейчас его произношение имён Восьми владений звучало непривычно.

- Готрек, парень первый, - сказала Маленет.

- Не дёргайся, человеке, - проворчал Готрек и обхватил Азиза за тонкую талию. Юнец рванулся, а затем издал испуганный крик, когда Готрек вышвырнул его за борт. Азиз шмякнулся на песок у подножия дюны, с неожиданной ловкостью перекатился и устался на фургон. Парень не погружался.

- Теперь ты, дурень, - сказала Маленет Готреку. Дерево вокруг них трещало и раскалывалось от давящих на фургон зыбучих песков, пока кабан, оглашая тропу отчаянным рёвом, пытался выбраться из ловушки. Готрек мгновение хмуро смотрел на Маленет, а после вскарабкался на борт и, издав напряжённый рык, прыгнул. Руна на груди запылала ярче, чем когда-либо, и дуардин приземлился куда дальше, чем ожидала Маленет. Он врезался в песок всего в полудюжине шагов от Азиза.

И начал тонуть.

- Кровавые клинки Кхаина, - выругалась Маленет. Она прыгнула. Гибкая, как кошка, кхаинитка приземлилась рядом с Азизом. Не переводя дыхания, она развернулась и сорвала пояс. Готрек уже погрузился до талии, словно кусок железа, притягиваемый магнитом. Он издал рёв, который посрамил бы даже секача, и тщётно рванулся из песчаной ловушки, хотя и казался скорее злым, чем паникующим. Маленет рванула вперёд, пока не ощутила, как песок начинает уходить из-под ног. Она отступила на шаг и, встав на колени, бросила конец пояса дуардину.

- Это всё, что у тебя есть? - спросил тот, глядя на полоску дублёной альвийской кожи.

Маленет ослабилась.

- Хватайся или умри. Мне всё равно. Я всегда смогу вытащить твой труп и вырезать старшую руну из твоей холодной плоти.

Готрек схватил конец. Маленет выпрямилась и, зарывшись ногами в песок так глубоко, как только могла, намотала пояс на оба кулака и принялась тянуть. Это было всё равно, что пытаться в одиночку перетащить кхаинитскую плиту для жертвоприношений.

Оставь его, прошипела госпожа. Он полоумный глупец.

- Помоги мне, - прорычала Маленет Азизу, и лишь тут поняла, что того не было рядом. Погонщик нёсся по подножию дюны, удаляясь от них.

- Я поищу подмоги! - крикнул он в ответ.

- Нет времени, глупец, - рывкнула Маленет, но Азиз не сбавил шага.

Проклиная трусость парня, она откинулась назад, напрягая каждый мускул. Ремень натянулся и дрожал, но она была уверена, что он выдержит. Маленет выдавила им жизнь из достаточного количества людей, чтобы не сомневаться в этом.

Погружение Готрека остановилось и, мучительно медленно, повернулось вспять. Он начал подниматься из зыбучих песков и, с последним натужным рёвом, упёр кулаки в край твёрдой земли и вырвал себя из песчаной трясины, словно какой-то первобытный бог земли, возвращающийся в Смертные Владения. Тяжело дыша, Маленет рухнула на спину.

Кабан-секач позади них, тем временем полностью скрылся с глаз. Они молча стояли и смотрели, как задняя часть фургона медленно, дюйм за скрипучим дюймом, погружалась в песок. Наконец раздался последний всасывающий звук, и всё исчезло. Песок лежал тихий и безмятежный, словно кабан-секач и повозка и вовсе никогда не существовали.

- Надо идти, Готрек, сын Гурни, - сказала Маленет. - Если мы хотим добраться до Халед-Туша до наступления темноты.

- Что с бородачёнком?

- Сбежал. Наверное, решил, что ты сожрёшь его за то, что он сбился с пути.

- Всё лучше, чем воткнуть ему нож в спину, альв.

- Только в твоём безумном воображении я всегда убиваю тех, кто пытается мне помочь, Готрек.

Готрек ткнул в неё топором.

- Я видел достаточно предательства от твоего рода в прежнем мире.

- Тот мир мёртв, - прошептала Маленет, обходя его. - И мне больно, что ты не умер вместе с ним.

Он не ответил, и Маленет решила, что дуардин изо всех сил пытается справиться с гневом от того, что его только что спасли от столь позорной смерти, как быть затянутым в зыбучие пески. Однако когда она проследила за его взглядом, то увидела, что его внимание сосредоточено на чём-то ином.

На вершине дюны замерла фигура. Это был всего лишь силуэт, тёмный на фоне безоблачной синевы небес. Это продолжалось всего мгновение, прежде чем фигура скрылась, видимо, почувствовав, что её заметили.

- И что это было? - спросила она.

- Не знаю, альв. Но они следовали за нами с самого города.

- С Баркаша? - прорычала Маленет. - И какого ты ничего не сказал, тупой идиот? Тебе не кажется, что то, что за нами кто-то охотится - это важная информация?

Готрек пожал плечами.

- Они неплохо хоронились - мы не смогли бы поймать их, если бы не устроили приличной засады, а я не намерен задерживаться в этом месте, когда вновь обрету свой топор. Кроме того, они были верхом, значит это не паразиты Серого Властелина.

- Если это не скавены, так, по-твоему, они безвредны? А что, если они наняты ими?

Её слова были лишь попыткой скрыть раздражение. Она никого не заметила, а ведь считала, что дуардин не может быть более внимателен к окружающему, чем она. С другой стороны, прежде она не знала ни одного дуардина, хоть отдалённо похожего на Готрека Гурниссона.

- Идём, пока ещё день, - сказала она, прежде чем осознала, что Готрек уже потопал прочь. Она закатила глаза, повязала пояс обратно и пошла следом за дуардином.

Глава вторая

Они брели вперёд по вершинам дюн, идущих вдоль отметок тропы. Маленет не доверяла им, опасаясь снова попасться в песчаную ловушку, но, каково бы ни было её мнение, они оставались единственным очевидным и ясным маршрутом в Халед-Туш. Жара свирепо давила на бредущих по песку альфийку и дуардина, словно физическая сила, словно зверь, что стремился утащить их в зыбучие пески.

Они не успели уйти далеко, как наткнулись на последнее, что ожидала встретить в пустыне Маленет - воду. В распадке между двумя дюнами они обнаружили деревянный колодезный сруб, на дне которого сверкала вода. Рядом была отдалённо напоминающая коновязь конструкция, а к ней привязана верёвка, наполовину занесённая песком.

- Промежуточная остановка для гонцов-посыльных? - спросила она вслух. Готрек ничего не ответил. Они молча наполнили бурдюки и двинулись дальше. Тени, отбрасываемые дюнами, постепенно становились длиннее.

Они добрались до Халед-Туша одновременно с вымораживающим кости холодом глубокой ночи. Над головой возникли Хамон и Гиран, полуосвещённые сферы, парящие среди созвездий, разбросанных по

разлитым чернилам эфирной пустоты. Огниверху были отражены огнями внизу: тысяча костров, создавала мерцающий небосвод, окружающий блестящую зеркальную поверхность великого оазиса Халеда.

Закутанные охранники торгового поста перехватили их, когда они приблизились к фургонам, расположенным на краю лагеря, и изучающе уставились на странных путешественников в свете поднятых факелов.

Впереди раскинулся Халед-Туш - огромный лагерь пустынных торговцев, кочевников и путешественников. То, что когда-то было всего лишь водопоем для странников, путешествующих между городами Баркаш, Хедина и Мерпорт, превратилось в самостоятельное поселение. Ряды фургонов, телег и крытых караванов окружали сложенные из дерева строения, росшие по берегам озера - конторы и таверны, бордели и караулки, сердце постоянно расширяющегося торгового узла на тракте, богатейшем благодаря хитрости правящих советов городов Триградья и изделиям дуардинов, известных пустынным, как Великий Караги.

- Не думал я, что отыщу ещё более унылый крук, чем ложа Унбак, - проворчал Готрек, когда они остановились рядом с просветом, ведущим внутрь круга фургонов. - Но, похоже, эта людская эпоха знает толк в разочарованиях.

Перед ними лежала грязная площадь, образованная пустыми караванами и рядами ветхих зданий. Несмотря на поздний час было шумно от торговых ларьков, лавок и продавцов, торгующих с тележек. Холодный ночной воздух был насыщен запахами специй и благовоний, тьму отгонял свет от жаровен и костров.

- Мы тащимся полдня через раскалённую пустыню, без еды и почти без воды, но вид этого места навеивает на тебя тоску? - спросила Маленет. - Хиш, должно быть, изжарил последние остатки твоих протухших мозгов, дуардин.

- Держу пари, что они всё равно сытнее, чем всё, что нам могут здесь предложить, - буркнул Готрек.

- Нам нужны свежие продукты и вода, - сказала Маленет, игнорируя последнюю реплику Истребителя. - И место для ночлега. Завтра мы сможем начать поиски того, кто мог бы выдать нам пропуск к Восьми Столпам.

- *Таги*, - ругнулся Готрек. Маленет решила было, что это направлено на неё и уже приготовила кхаинитское проклятье, но тут заметила, что Готрек устремился куда-то в толпу. Она последовала за ним, тоже увидев то, что привлекло дуардина.

Азиз попытался смыться. Впрочем, толпившийся люд обрёл эту попытку на неудачу, и парень громко взвизгнул, когда покрытая шрамами рука Готрека схватила его за плечо.

- Думал, больше не увидишь нас, безбородый *таггаз*, - рыкнул Готрек.

- Прошу тебя, нет, селлах, - взвизгнул парнишка, дёргаясь в мёртвой хватке Истребителя. - Я пошёл за подмогой, правда, клянусь!

- И где же она? - спросила Маленет, присоединяясь к Готреку.

- Были всадники, - упорно стоял на своём Азиз, его взгляд метался между дуардином и альфийкой. - Трое. Я сказал им, что вы им хорошо заплатите, если они доберутся до вас.

- Лжец, - прорычал Готрек, и на секунду Маленет показалось, что он вот-вот ударит юнца.

- Я всё ещё могу помочь тебе, - взвизгнул Азиз. - Прошу, селлах. Я знаю многих номадов здесь, в Халед-Туше!

- Нам нужна еда, - проворчал Готрек, - и ночлег, а после добраться до Восьми Столпов.

- Я могу дать вам всё это, селлах, - настойчиво убеждал дуардина Азиз. - Мой дядя, Фазил, торговец лунным плавником, и здесь находится его лавка. Он не прогонит меня.

- Ты думаешь сбежать, - проговорила Маленет. Её голос был ниже и в целом куда более холоден, чем у Готрека. - Я знаю тебя, пустынная крыса. Даже не думай. Ступай к своему дяде, а когда всё устроишь, возвращайся сюда и найди нас. Или же тебя найду я и медленно, очень медленно, вот этими штучками, - она постучала по рукояткам длинных кинжалов из огнестали, висящих на поясе, - срежу с тебя шкуру. Думаешь, я лгу?

- Н-нет, - пробормотал Азиз, едва не плача. Готрек отпустил его и парень юркнул в толпу.

Готрек прочистил горло.

- Больше мы его не увидим, - проворчал дуардин.

- Увидим, - возразила Маленет. - Он всего лишь мальчик. Он боится, что мы используем свои мистические силы или оружие, чтобы отыскать его.

- Альвийский вздор, - проворчал Готрек. - Ты ни хрена не знаешь о мистическом. Сами боги пытались предать меня, даже убить. Я ломал демонов, сражался с безумными колдунами и убивал зверей и чудовищ, что разорвали бы легионы ваших золочёных чемпионов. Я падал с небес среди огня и пробивался через глубины земли несколько дней. Я был брошен в океан безумия и грязи, а затем продрал себе путь обратно. Парень понятия не имеет о страхе, ибо сами эти сферы не имеют о нём понятия. Я плюю на твою идею внушить страх.

Маленет прислонилась к колесу ближайшего фургона. Истощение пыталось заставить её сползти на землю. Мешок на спине был как будто набит железом - и где-то неподалёку валялся магнит. Какая-то часть её хотела просто свернуться под ближайшей телегой и вырубиться.

Ей потребовалось несколько секунд, чтобы понять, что она осталась одна.

- Дуардин, - прорычала она, пока рекомый персонаж направился вглубь площади. Он не остановился и не оглянулся. Выплюнув проклятье, она пошла за ним.

- Неужели ты никогда не отдыхаешь? - спросила она, когда наконец догнала Готрека.

- Отдых для людишек, которым нечего делать, - ответил тот, не глядя на неё. - Отдых приходит, когда ты отыщешь свою погибель. Я никогда не знал отдыха. Иногда я задаюсь вопросом, а смогу ли вообще познать его когда-нибудь.

Базарная площадь приняла их в свои объятия. Под вопли зазывающих купцов они прошли мимо киосков, торгующих хединским шёлком, после отмахнулись от торгашей из хилатских племён, предлагающих им что-то на пробу. Аромат приготовленного мяса проплыл над ними, когда они проходили мимо половины туши секача, что жарилась над одним из очагов, и желудок Маленет болезненно сжался. Чуть дальше они были вынуждены посторониться, пропуская шествие облачённых в белоснежные одежды жрецов

Шезпы, размахивавшими источающими сладковатый запах кадилами. Никто не удостоил их и взгляда. Для Халед-Туша альфийка и загорелый дуардин не были каким-то особо выдающимся зрелищем.

Они двинулись дальше, всё глубже погружаясь в это деловитое сборище, рынок и его обитатели сдавливали их со всех сторон. Маленет обнаружила, что теребит рукоять одного из своих кинжалов, скрытых под плащом. Ей не нравились толпы.

Готрек же казался невозмутимым. Она не требовала, чтобы он сказал ей, что ищет. Всё одно - просто впустую растратила бы воздух, а внятного ответа бы не получила. За месяцы с их первой встречи она привыкла к его внезапным приступам меланхолии, направленному куда-то вдаль взгляду и необъяснимым минутам, когда он брёл, словно без особой цели. Иногда она оставляла его в такие моменты, полагая, что он всё равно вернётся, но порой следовала за ним. Казалось, что дуардин ищет кого-то или что-то, хотя кого или что, было трудно понять.

Она ощутила, как кто-то прикоснулся к её плечу, давление слишком сильное, чтобы списать его на обычную толкотню в толпе. Её кинжалы из огнестали покинули ножны в мгновение ока, быстрее, чем мог бы уследить взгляд - каждый из альфов её рода был готов убивать даже прежде, чем успевал осознать это.

Она обнаружила, что смотрит в тёмные глаза. К её удивлению в них не было ни страха, ни гнева, только сдержанное, знающее веселье.

- *Шемали, селлах*, - сказала женщина, убирая руку с плеча Маленет. Она была человеком, молода, почти такая же высокая, как сама альфийка, со смуглой кожей и завёрнута в тонкие одеяния из розового и пурпурного шёлка. Маленет поняла, что девушка улыбается. Она убрала кинжалы от её горла.

- Мои извинения, странники, - сказала меж тем девушка, склоняясь в поклоне. - Меня послала госпожа моей группы.

Её взгляд скользнул с Маленет на Готрека. Дуардин остановил своё движение по рынку, его кулак сжался на рукояти огромного огнебурового топора.

- Огненный истребитель с единственной руной, забитой в его плоть, - продолжила девица, на её лице расцвела улыбка, когда она обратилась к нему. - У нас есть кое-что ценное для вас, Укротитель рун. Человек, который видел слова, которые вы ищете.

- Ты кто такая? - прорычал Готрек. - Ты слишком похожа на ещё одного проклятого альва!

- Мы танцоры из Альхараба, - ответила девица, отвесив дуардину элегантный поклон, и изящным взмахом протянула клочок бумаги, держа двумя пальчиками. - Мы много видим, а слышим ещё больше, особенно в месте, подобном этому. Человек с которым связалась моя группа, не единственный, кто хочет поглядеть на загадки Трёх Столпов - кто видел загадку. Моя госпожа, Шалдин, ожидает, что вашей радости не будет предела.

- И с чего нам доверять тебе или твоей госпоже? - спросил Готрек и потянулся к бумажке. Однако Маленет опередила его.

- Я всего лишь посланник, - ответила девица, скрываясь в толпе. - Это надо спрашивать не у меня.

- Не шибко-то много ты сообщила, - прорычал Готрек, но танцовщицы уже и след простыл. Маленет положила руку ему на плечо. Она опустила взгляд на пергамент: это было приглашение в традиционном

альхарабском стиле, завлекающее путешественников посетить ночное исполнение «Семнадцати клинков». Маленет напряглась. «Семнадцать клинков» был традиционным альфийским танцем, всё ещё популярным среди некоторых храмов Убийства. Ей не доводилось слышать о человеческой группе, исполняющей этот танец.

Ты помнишь, как сама танцевала его в последний раз, Ведьмин Клинок?

- Ну и что это такое? - прервал её размышления Готрек.

- Ничего, - ответила Маленет, игнорируя голос своей бывшей госпожи. - Нам не стоит идти за ней. Это какая-то ловушка.

- Если и так, то самое время. С последней минуло уже больше суток, - буркнул Готрек, скидывая с плеча руку Маленет. - Мне нужны ответы и я получу их, неважно, хотят ли они меня прикончить или нет.

- Если бы ты ценил свою жизнь столь же дорого, как орден Азира, - огрызнулась Маленет.

- Я уже давным-давно оставил это, *элги*. Если это очередная ловушка Серого Владыки, что ж - я просто прикончу больше его вшивых *гриков*. Как и всегда. Сильнее, чем любой глупец или трус в Мире-что-был, крыса Танкуоль был полон решимости помочь мне исполнить мою смертельную клятву. Мне стоило догадаться, что он последует за мной и в новую реальность.

- Если тебе наплевать на собственную жизнь, то хотя бы подумай о руне, - сказала Маленет, изо всех сил пытаясь сдержать вызванную усталостью вспышку раздражения в груди. - Больше, чем кто-либо другой, ты должен осознавать её силу. Ей нельзя позволить попасть в руки приспешников беспорядка и тьмы. Или ты думаешь, что я присматриваю за тобой только ради хорошей компании?

- Крысам будет сложновато захватить её, пока она здесь, - ответил Истребитель, хлопнув кулаком по старшей руне на его могучей груди.

- На мгновение остановись и подумай о последствиях своих действий, - вспыхнула Маленет, наконец поддавшись гневу, бушующему внутри. - По крайней мере, одно неизвестное существо следит за нами, по видимому являясь тем же, что передвинуло отметки пути и едва не утопило нас в зыбучих песках. Это не говоря об охотящихся на тебя крысах-убийцах, трое только за прошлый месяц. Что бы у этих танцоров не было для нас, это почти наверняка ловушка.

Готрек вперил в неё взгляд, и Маленет показалось, что руна, вбитая в его плоть, стала чуть ярче.

- Я уже говорил тебе, альв, крысы пытались воткнуть нож мне в спину, сколько я себя помню, - ответил дуардин, явно игнорируя её последние слова. - Если тебе не нравятся крысы, что ж - просто не ходи за мной. Танкуоль совершенно свихнулся и никогда не перестанет охотиться на меня. А, судя по тому, что я увидел в этих проклятых владениях, он вернется, даже если я развалю его рогатую черепашку надвое ударом своего топора.

- Думаешь, что раз ты прожил так долго - ты бессмертен, - прошипела Маленет, делая шаг в сторону дуардина и глядя на него сверху вниз. - Ты думаешь, что ты бог...

- Не оскорбляй меня больше, чем уже успела, несчастная, - рявкнул, прерывая её, Готрек. - Ты ни хрена не знаешь о богах. Я видел глупость и малодушное предательство от смертных, но им не сравниться с божественными. Я встречал тысячи гномов, более достойных и почтенных, чем Гримнир!

- И всё же, несмотря ни на что, ты не будешь жить вечно, Готрек из Мира-Что-Был. Я служу истинному

богу, Кроваворукому, Кхаину, Принцу Убийств, и если есть одна вещь, которой моя вера научила меня, это то, что все смертны. Даже боги. Береги свою жизнь, дуардин, ибо есть много желающих забрать её у тебя.

Рынок вокруг неё притих.

Ты привлекаешь внимание, Ведьмин Клинок, прошипел голос её госпожи. Иногда я задаюсь вопросом, была ли ты вообще моей ученицей.

- Я знавал твоего бога в давно умершей эпохе, - прорычал Готрек, его глаз вспыхнул, словно раскалённые угли в кузнечном горне. - Его служители были такими же жалкими и слабыми, как и здесь. Я ничего не боюсь, тёмный альв, и меньше всего - твоих угроз.

Перед тем, как Маленет успела ответить, что-то коснулось её руки. Она полуобернулась, молниеносно, едва сопротивляясь жажде окропить клинки кровью.

Азиз отшатнулся и вскрикнул от страха. Он вернулся.

- Я искал вас, селлах, - пробормотал он. - Мой дядя согласился принять вас под своей крышей, но...

Он замолчал, и Маленет заметила, что парень смотрит на клочок бумаги, который она по-прежнему сжимала в руке.

- Танцоры из Альхараба, - спросила она, махнув бумажкой перед его лицом. - Ты что-нибудь знаешь о них?

Азиз колебался, прежде чем ответить.

- Да, селлах. Вы мало найдёте здесь тех, кто бы о них не знал. Они выступают для советов и гильдейских вожakov Триумvirата. Я никогда ещё не слышал, чтобы их труппа до этого танцевала в местах вроде Халед-Гуша.

- И?

Азиз покачал головой, явно не желая продолжать.

- Говорят, что дочери Альхараба - шпионки, они покупают и продают знания тем, кто платит за их выступления. Их танцы - это не просто развлечение зрителя.

- Видишь! - воскликнула Маленет, разворачиваясь к Готреку. - Это ловушка.

Но дуардин уже снова проталкивался сквозь запрудившие рынок толпы.

- Я собираюсь посмотреть на танцы, - бросил он через плечо. - Разве тебе не нравятся подобные вещи?

Маленет закрыла глаза и прикусила губу, чтобы сдержаться и не окатить проклятого Истребителя потоком кхаинитских ругательств.

- Мой дядя, - медленно проговорил Азиз, отступая от альвийки. - Он нас ждёт. Теперь было бы бесчестно отказаться от его гостеприимства. Пожалуйста, селлах, верните злого дуардина. У альхарабок наверняка не будет того, что ему нужно. Они продают только ложь и секреты.

- Возвращайся к своему дяде, - приказала Маленет. - Извинись за нас и попробуй раздобыть нам немного еды. Мы придём, как только сможем.

Прежде чем Азиз начал возражать, она вытащила монету Готрека из висевшего у неё на поясе мешочка и вложила в ладонь парня. А затем она исчезла, скользнув в толпу вслед за Истребителем.

Глава третья

Чёрный купол оказался шатром, установленным на берегу большого оазиса, в тени раскинувшихся пальм и ветвей тополей. Сам оазис не был похож ни на один из тех, что Маленет видела в Костяной пустыне: его вода не была ограничена сухой землёй, но плавно парила в тысячах жидких сфер, начиная с нескольких футов от земли и до тысячи ярдов над головою, высоко над кронами окружающих деревьев. Иногда одна из медленно вращающихся сфер лопалась и тогда на высохшую землю изливался водный поток, пропитывая ложе оазиса, в то время как другие начинали не спеша сливаться со свежими брызгами.

Стены чёрного купола сверкали от подобных столкновений. Большой шатёр был раскинут в отдалении от большей части остального пространства Халед-Туша, и Маленет ощутила, как её нервы натянулись до предела, заметив, что маршрут Готрека уводит их от света костров и жаровен и непрекращающейся суматохи рынка в темноту. Ночь была в самом разгаре, плеск сталкивающихся водных сфер и шелест ветвей над головой вызывал лёгкие тревожные ощущения после суеты, оставшейся за спиной.

Впрочем, стоило Маленет приблизиться к шатру, как звуки ночи поблекли, вновь заглушённые гомоном активности. Её натренированный слух вычленил голоса, смех, крики и всё это на фоне ритмичного боя барабанов. Из входа в шатёр падал свет, обрисовывая силуэты пары охранников. Она увидела, как Готрек шагнул внутрь, пламя замерцало на поверхности старшей руны и лезвиях двуручного топора, притороченного за спиной. Держа одну руку на рукояти кинжала, Маленет ускорила шаг. Двое мужчин, стоявших на страже скользнули по ней взглядом, но не стали заступать альфийке путь. Она прошла между ними и откинула закрывающую вход ткань.

Шатёр был битком. Светильники освещали сотни зрителей, столпившихся под чёрным холстом, изгибавшимся высоко над головой, их внимание было сосредоточено на деревянной сцене, установленной напротив главного входа. По большей части зрители выглядели как торговцы, племенные вожди и зажиточные путешественники, одетые в белые или насыщенно красные одежды, шелка, головные платки и вуали богатых гильдий Триградья. Они аплодировали выступающим или смеялись и болтали друг с другом, создавая шум, от которого Маленет недовольно скривилась.

Будь настороже, дитя, пробормотал голос госпожи в голове. Она сжала кулон в ладони, кровавый фиал был успокаивающе холоден.

Готрек опередил её, без особых сантиментов проталкиваясь через толпу к сцене. Жалобы мгновенно застывали на устах, когда бесцеремонно отталкиваемые им зрители замечали упрямое выражение на лице покрытого шрамами дуардина или широкие лезвия его топора.

Маленет поспешила за ним. Воздух в павильоне был душным, густым от запаха пота и болезненно-сладкого аромата духов. Всё место вибрировало от шедшего со сцены ритмичного барабанного боя. Он заставлял Маленет чувствовать себя слегка не в себе. Ей удалось перехватить Готрека почти у самой сцены.

- Гляжу, передумала, - заметил он, перекрикивая гул толпы.

- Тебе бы тоже стоило как-нибудь попробовать, - огрызнулась Маленет.

- Возможно, если бы я не оказывался всегда прав.

Ответ Маленет застыл в горле, когда она, наконец, увидела, что происходит на сцене.

Четыре танцовщицы кружились вокруг друг друга, их стремительным движениям задавали ритм удары пары скрытых барабанов и хлопки ещё двух женщин, сидевших на сцене, скрестив ноги. Исполнители были одеты, если это можно так назвать, в те же жемчужные и розово-пурпурные шелка, что и посланница, пригласившая Маленет и Готрека посетить шатёр танцовщиц Альхараба. Их расплетённые чёрные волосы хлестали в разные стороны, когда они крутились и извивались в ритме танца. Их тёмная, упругая плоть блестела от пота.

Ты это уже видела.

- Видела, - пробормотала Маленет, не отрывая взгляд от происходящего на сцене.

В каждой руке танцовщицы держали кинжал, и, когда они кружились рядом друг с другом, остро наточенные лезвия с безукоризненной точностью целовали их одеяния, разрезая шёлк на длинные текущие лоскуты, что ещё сильнее подчёркивали плавность их движений. С каждым звуком рассекаемой ткани толпа издавала вздох или выкрикивала приветствия, вся масса собравшихся раскачивалась в такт с ударами.

Это был не внешний вид танцовщиц, и даже не клинки в их руках, что заставили Маленет замереть. Это были их движения. Это был - «Семнадцать клинков». Она исполняла его сотни раз, выучила наизусть каждый шаг и поворот, каждый нырок, каждый взмах и уворот. Это был тот самый танец, который она сама смотрела в тот день, когда её жизнь изменилась навсегда, когда её отец оторвал её от альфа, за которого она была сосватана, и бросил в храм кровожадного сестринства.

Раньше ей не приходилось видеть этот танец в исполнении людей, и она даже представить не могла, что они смогут исполнять его с такой точностью. Они не могли сравниться ни со скоростью, ни с изяществом альфов, но каждый шаг и движение были точны и умелы, а каждый поцелуй клинка исполнен с безукоризненной точностью. Хотя все вместе четыре женщины представляли собой вихрь бритвенных ударов и обнажённой плоти, ни одна из них не получила даже царапины.

Она закрыла глаза, пытаясь избавиться от воспоминаний, вызванных происходящим на сцене. Её четыре младшие сестры, танцующие Семнадцать клинков, их лица светились радостью. Рука Джакари в её собственной, её полуулыбка - всегда такая злая - когда она дразнила её благородным домом, в который она должна была войти после замужества. Хлопающие двери, топот ног, крики. Боль от холодных шипованных латных перчаток, сжавших её руки. Ещё больше боли, когда руку Джакари вырвали из её. Полное безразличие в глазах отца.

Танец остановился. Резкие аплодисменты вернули её в настоящее. Несмотря на духоту внутри шатра, её пробрал озноб.

Готрек по-прежнему стоял, скрестив руки на груди и глядя на сцену, по внешнему виду ни в малой степени не впечатлённый. Стоявшие за ним ревели, вызывая танцовщиц на бис, крик, который быстро был подхвачен остальной толпой. Четыре танцовщицы в разрезанных на ленты одеждах поклонились, прежде чем с текучей грацией разойтись и выпустить на сцену пятую женщину. О её прибытии возвестила быстрая барабанная дробь.

Она была старше танцовщиц и одета более официально, её волосы перевязывал узорный племенной головной платок. Маленет догадалась, что, вероятно, она и была той самой госпожой труппы, про

которую говорила посланница на рынке. Шалдин. Женщина подняла руки, на её губах играла заговорщицкая улыбка. Барабаны резко смолкли и толпа замерла вместе с ними.

- Шемали, селлах, друзья и компаньоны, - заговорила Шалдин. - Надеюсь, что наше представление принесло радость и усладу всем и каждому из собравшихся здесь!

Одобрительные аплодисменты, распространившиеся по толпе, словно круги по воде от упавшего камня, стали ответом на её слова. Она снова подняла руки и подождала, пока не наступила тишина.

- Я рада сообщить, что наше выступление ещё не окончилось. Вы только что лицезрели «Семнадцать клинков», знаменитый древний альфийский танец - визитная карточка ужасных и смертельных храмов Кхаина!

Слова были произнесены с налётом театральности, и публика отреагировала вздохами и перешёптываниями.

- Мы, дочери Альхараба, исполнили его в меру своих способностей, и мы молимся этому страшному богу, чтобы он милостиво принял наш танец. Но я понимаю, что лучшее из того, что мы можем изобразить, будет бледной тенью того, что исполняют сами альфы.

Толпа разразилась протестующими криками, но госпожа отмахнулась от них, улыбка застыла на её лице.

- Но этой ночью мы благословлены, друзья и гости, - продолжила она. - Благословлены, возможно, той самой ужасной силой, которой посвящён этот танец. Ибо в этот самый миг среди нас находится истинный слуга Кхаина!

Шокированная тишина опустилась на зрителей. Маленет застыла. Госпожа труппы посмотрела прямо на неё и протянула руку, всё с той же, недогнувшей, улыбкой на лице.

- Ты почтишь нас своим присутствием, дитя Кроваворукого? Ты сможешь восславить нам твоего бога ещё раз?

Весь шатёр погрузился в безмолвие, а зрители, что были рядом с Маленет, расступились. Она взглянула на Готрека. На лице Истребителя замерло мрачно терпеливое выражение, но она всё-таки уловила сделанный им кивок. Её собственная госпожа молчала.

Маленет напряглась и прыгнула, легко перемахнув на край сцены. Изящное движение заставило толпу выдохнуть и воскликнуть на множестве родных языков. Она легко приземлилась на обе ноги. Часть её, скрытая глубоко внутри, дрогнула от осознания того, что она стоит под взглядами сотен зрителей. Она была ассасином, а не артисткой. Освещённая факелами сцена была последним местом, где бы она хотела оказаться.

Но воспоминания вынырнули из глубин памяти, слишком сильные, слишком подавляющие, чтобы можно было отказать им. Она расстегнула плащ, вызвав ещё больше восторженных вздохов. Её коже было далеко до лёгких шелков альхарабок, и та небольшая обнажённая часть её тела - только предплечья - составляла бледный контраст с их загорелой кожей. Однако её цвета вороного крыла волосы и глаза идеально соответствовали танцу.

Две девушки из группы танцовщиц отступили вглубь сцены, оставив двух других вместе с Шалдин и Маленет. Шокированная тишина сменилась аплодисментами, что становились всё громче и громче, когда барабаны забили снова, на этот раз в более медленном темпе. Она зеркально повторила поклон,

который отвесили толпе людские танцовщицы. Они по-прежнему улыбались. Чувствуя, как сердце бьётся всё быстрее и быстрее, Маленет обнажила свои клинки из огнестали.

Вспомни шаги, дитя.

И танец начался. Маленет заставила себя перестать думать, перестать беспокоиться, и подчинилась ритму, задаваемому барабанами. Шатёр превратился в размытый фон, когда она позволила движениям проноситься сквозь неё, и воспоминания стали сильными, как никогда прежде. Джакари снова была напротив неё, танцуя тот же танец, свободно смеясь, распущенные волосы струились за спиной, сверкали огни, отражаясь от тонких лезвий обнажённых кинжалов в её руках. Сердце Маленет трепыхнулось, и она едва не сбилась с такта. Но со скоростью и точностью, не подвластной ни одному человеку, альфийка выправилась, вызвав ещё один восторженный вздох у толпы.

Не Джакари была напротив неё. Это была Шалдин, госпожа трупы. Её мастерство в плетении узоров шагов и вращений было настолько полным, насколько когда-либо доводилось видеть Маленет. Она двигалась с текучей контролируемой страстью, не растрачивая энергию ни на что, не касавшееся следующего шага, и следующего, и следующего. Маленет скользила мимо и вокруг неё, их тела едва не соприкасались, струился шёлк одеяний альхарабки. Запах причудливых духов Шалдин заполнили ноздри Маленет.

Клинки сверкали в свете факелов. Бритвенные поцелуи подчёркивались ускорением барабанного ритма. Вздохи толпы ворвались в поток мыслей Маленет, когда она подняла один из своих клинков и провела им вдоль спины госпожи трупы, кончик лезвия, разрезав часть шёлковых одежд, прошёл в волоске от совершенной тёмной кожи. Она ощутила такое же движение, скользнувшее вниз по своей собственной спине. Кинжал не проник внутрь, и даже ткань не была разрезана, но это и не являлось важным - одежда была всего лишь дополнением. Сила танца заключалась в ласке смерти, в болезненно близком прохождении смертоносного кровавого касания Кхаина. От ощущения собственного ножа, проходящего в дюйме от чужой спины и чужого, прошедшего в дюйме от её собственной, у Маленет почти перехватило дыхание.

Ты слишком наслаждаешься этим, Ведьмин Клинок. Сосредоточься!

Маленет проигнорировала холодный голос. Танец продолжался, следующий взмах, теперь в плечо, только её. Она знала, даже уворачиваясь, что нож другой танцовщицы придёт за ней, низкий точный разрез, что рассечёт одежды на её бедре. Другой коснулся её собственного плеча в тот момент, когда она рассекла ещё больше шёлковых одеяний, драпирующих госпожу трупы, разрезающие воздух и ткань лезвия издали резкий свист, едва слышимый из-за рокота барабанов и хриплых вздохов зачарованной толпы.

А затем пришла боль. Она была настолько поглощена танцем, что сперва даже не заметила её. Внезапный удар в бок потерялся в вихре движений, а она сама была потеряна для всего, что не касалось танца. Однако затем она ощутила его и сбилась с шага, на сей раз не успев исправиться.

Порезы во время Семнадцати клинков не были чем-то необычным. Она видела альфов в храме, куда более опытных, чем она, чью белую плоть покрывали десятки тонких порезов. Подобные травмы показывали благоволение Кхаина, ибо это была его воля - отточенная сталь изначально предназначалась пронзать смертную плоть.

Однако из-за того, что она так давно не исполняла танец, ощущение пореза сбило её с ритма. И спасло жизнь. Если бы она продолжила движение, как должно, то на следующем шагу нисходящий удар,

идуший справа, привёл бы нож, коего не должно было находиться там, в её обнажённое горло. Он в любом случае пришёл к ней, и она была вынуждена извернуться, чтобы избежать его удара.

Удар вовсе не был ошибкой.

Ещё больше ударов, и слева и справа, Шалдин и её танцовщицы сломали строй, чтобы в идеальной слаженности нанести серию ударов и уколов. Человек был бы мёртв спустя несколько секунд, истекая кровью из пронзённого сердца и распоротой глотки. Но при всей скорости и неожиданности атаки Маленет оказалась быстрее.

Она, танцуя, вышла из-под ударов. Барабаны умолкли, судя по крикам и воплям позади неё, казалось, толпа уже не могла понять смотрит ли на постановку или на попытку убийства. Маленет проигнорировала их всех - её кровь ещё пела в ритме Семнадцати клинков и темп её движений продолжал убыстряться. Не было времени подумать, что делали альхарабки или почему - Кхаин требовал, чтобы танец продолжался.

Убей их всех, Ведьмин Клинок.

Они были быстры, этого не отнять. Клинок Шалдин метнулся к её голове и раздался металлический звон, когда оружие Маленет поднялось, блокируя удар. Однако это был всего лишь финт. Остальные две танцовщицы, вместе с двумя, отступившими сперва в глубину сцены, и обоими барабанщиками, прыгнули на неё с двух сторон, их клинки превратились в размытые пятна. Маленет отступала с отчаянной, сосредоточенной скоростью, понимая, что если хотя бы одному из них удастся проскользнуть ей за спину - танец закончится. Она нырнула, крутанувшись в одну сторону, а затем сразу же в другую, слишком занятая парированием и уклонением, чтобы даже подумать об атаке.

И несмотря ни на что, они по-прежнему улыбались.

Чёрный купол за ней превратился в крошечный ад. Кто-то толкался и пихался, пытаясь выбраться из шатра, другие жаждали выскочить на сцену, охваченная истерией толпа металась во все стороны, словно обезумев. Хоть Маленет всё это видела и понимала, одна мысль всё же ворвалась в сознание.

Готрек.

Правее.

Маленет не спрашивала совета своей госпожи раньше, и не собиралась делать этого сейчас. Извернулась направо, чуть ли не швырнув себя на двух ассасинок-альхарабок, что шли на неё с этого направления. На мгновение её спина оказалась полностью открыта. Она ощутила, как доски сцены содрогнулись, и уклонилась прочь от ожидаемого смертельного удара в спину, одновременно отражая клинки противниц перед собой.

Рёв, сопровождаемый тошнотворным хрустом разрубаемой кости, разрушил мгновение. Готрек вскочил на сцену и теперь с громким топотом нёсся на помощь Маленет, старшая руна пылала в его груди. Его двуручный топор воспламенился, жаровня на древке между двумя лезвиями полыхала огнём почти столь же ярким и яростным, как в единственном глазу Истребителя. Он врезался плечом в пару ассасинок, что пытались проскользнуть слева от Маленет, и они отлетели через всю сцену. Кости треснули и раскололись, но им ещё повезло. Третью поймали, когда она пыталась обогнуть разъярённого дуардина. Готрек двигался со скоростью, которая казалась невозможной для его могучего мускулистого тела. Описав белую раскалённую дугу, топор дуардина врезался в живот альхарабки. Ужасающий убийственный удар без особых усилий рассёк девицу пополам, залил сцену внутренностями и кровью

несчастной.

- Если кто-то и прикончит альва, то это я, - взревел Готрек.

Когда кровь хлынула на сцену, расплескавшись под ногами Маленет, Шалдин и три её оставшиеся танцовщицы вышли из боя, отскочив за пределы досягаемости как Готрека, так и альфийки. Ни один из тех двоих, которые попали под первый удар Истребителя, не шевелился. Дуардин фыркнул, словно разъярённый зверь, старшая руна сверкала глубокой сверкающей силой.

- Встань слева, тёмный альв, - рыкнул он, кивнув головой на левое плечо, защищённое наплечником в виде львиной головы. - Если мы хотим сделать это вместе, то я больше привык иметь кого-то слева от себя.

Маленет не стала задавать вопросы, сделав, как было велено, когда альхарабки снова перешли в атаку.

На сей раз она встретила их всех зараз, клинок к клинку. Она ощутила, как её захлёстывает волна ненависти. Их заманили сюда и вынудили открыться. Почему, она не знала, хотя за эти месяцы, проведённые рядом с Готреком, и привыкла к непрекращающимся попыткам отнять их жизнь. Список тех, кто жаждал заполучить старшую руну, был длинным и увеличивался с каждым днём, пока слухи о странном огненном истребителе распространялись по Смертным владениям.

Впрочем, кем бы ни были альхарабки на самом деле или на кого бы ни работали, пока жива Маленет, они не заполучат ни дуардина, ни старшую руну. Она отбила клинок и перешла в атаку, пройдя сквозь защиту ассасинши, двигаясь слишком быстро для любого человека, сколь бы хорош тот ни был. За миг, что требовался для удара сердца, кинжал Маленет вонзился в горло женщины, и альфийка ощутила, как руки её жертвы бессильно коснулись её, когда альхарабка попыталась оторваться от холодной стали. Предсмертная хватка дрогнула на руке высокой альфийки, а затем Маленет вырвала клинок из горла жертвы, окатив сцену кровавым потоком.

- Кончай бегать, проклятая *драггаз*, - услышала она рёв Готрека.

Он встретился с Шалдин. Столь же быстрая, как дуардин, предводительница убийц прошмыгнула мимо защиты Готрека, клинки прошли по его покрытой шрамами плоти. Теперь, внезапно осознала Маленет, выражение лица женщины изменилось - улыбка исчезла, её сменила чистая незамутнённая ненависть. Это принесло странное облегчение. Теперь они не были столь сверхъестественными, как в своё первое появление. Во время танца и в первые отчаянные мгновения покушения, Маленет даже слегка засомневалась в учениях храма Кхаина и в способностях собственной расы. Теперь же, когда сталь со звоном сталкивалась со сталью, уверенность вновь наполнила её.

Никто не ненавидел и не убивал так, как это делали слуги Кхаина.

Она сдвинулась направо, прикрывая спину Готрека, когда тот развернулся за Шалдин. Другие ассасинши увидели возможность, предоставленную их госпожой, но Маленет с лёгкостью пресекла их поползновения, пусть они и превосходили её числом. За несколько мгновений она получила с дюжину ударов, но её броня, хоть и была лёгкой, защитила от большинства. Она услышала хеканье Готрека за спиной и почувствовала жар его крутящегося и рубящего топора, пока дуардин удерживал Шалдин на расстоянии.

Подобную оборону они могли поддерживать достаточно долго. Их по-прежнему превосходили числом, а никто в Халед-Туше, похоже, не горел желанием прийти на помощь дуардину и альфийке. Даже всех способностей Маленет хватало лишь на то, чтобы защищать спину Готрека. Она уже получила пару

свежих порезов на руке, а первая полученная рана по-прежнему пульсировала болью. Маленет чувствовала кровь, стекающую по бедру.

Темп ударов танцовщиц ускорился, когда они ощутили неуверенность своей жертвы. Готрек расхохотался, и это стало признаком того, что он по-прежнему не мог попасть по Шалдин. Ещё один клинок проскользнул мимо защиты Маленет, разрезав плоть на бедре и вызвав у альфийки сдавленное шипение. В ответ она рубанула собственной сталью по руке атакующей.

Смерть здесь принесёт вечное бесчестие в храме.

- Умолкни, госпожа! - отрезала Маленет, её спина снова соприкоснулась со спиной Готрека, когда она была вынуждена отступить, уходя от серии ударов по глазам, обрушенных одной из скрытых вуалью противниц.

Дрожь тряханула сцену. Это было не сотрясение пола от первых шагов Готрека, когда дуардин ринулся в атаку, а нечто гораздо более глубокое. И альхарабки тоже ощутили это. Их атака слегка сбилась.

Однако Маленет не успела воспользоваться возможностью для контрудара. Взрывная волна ударила по чёрному куполу. Крик толпы стал ещё громче, когда чёрный тент разорвался, и вся структура натянулась. Маленет увидела, как потолок над головой рассклала неровная линия, и её взгляду открылась ночь, царившая за пределами шатра.

И она была разорвана огнём.

Ещё один взрыв сотряс воздух, вызвав новый панический вопль из глоток толпы. Они обратились в паническое бегство, одни в сторону входа, другие - разрезав в полотне стен. Справа от себя Маленет заметила, как загорелась ткань шатра: либо от огня снаружи, либо от упавших свечей внутри. Впрочем, причина не была чем-то важным.

Чёрная вершина вот-вот должна была превратиться в печь.

Уходи.

- Пора делать ноги, - крикнула Маленет Готреку, всё ещё ощущая его спину.

- Скажи это своим подлым партнёрам по танцулькам, - рыкнул дуардин. - Гномы не бегут, особенно Готрек Гурниссон!

Несмотря на разгоравшийся вокруг пожар, альхарабки снова напали на них, причём, казалось даже ещё яростнее, чем прежде. Маленет встретила их в полуприседе боевой стойки, сжимая клинки в каждой руке, правда, правый был залит её собственной кровью, стекавшей из ран.

Впрочем, удары атакующих до них так и не добрались. В задней части шатра вспыхнуло пламя, заставив Малнет вздрогнуть и жадно хватать воздух ртом, когда волна жара пронеслась над головой. Одежда одной из ассасинок занялась огнём, в мгновение ока охватив всю отчаянно завопившую танцовщицу.

Маленет почувствовала, что сцена под ней начинает угрожающе проваливаться. Пламя облизывало почерневшие опорные балки и одна из них, наконец, треснула, поддавшись жадному огню. Танцовщицы удержали равновесие, но секундного отвлечения было достаточно. Маленет стиснула зубы и изо всех сил врезалась в спину Готрека, толкнув Истребителя по разваливающейся сцене мимо Шалдин и края помоста.

Желудок Маленет дрогнул, когда она провалилась сквозь сцену. Её нога коснулась одной из опорных балок и альфийка смогла использовать её, чтобы развернуться в воздухе. Она приземлилась на четвереньки рядом с Готреком, клинки воткнулись в пол шатра по обе стороны от неё. Спустя секунду раздался громкий треск, когда жадному пламени уступила оставшаяся часть сцены, пламя рвануло ввысь, охватывая трескавшиеся опоры.

Пытавшиеся сбежать люди меж тем образовали тесные кучи, пытаясь первыми прорваться сквозь прорехи в полотне шатра. Пламя продолжало пожирать всё вокруг, наполняя воздух всепожирающей жарой. Кто-то из зрителей загорелся, и крики несчастных ещё больше подогрели и так уже охваченную паникой толпу, создав ещё больше сумбура и бессмысленной суматохи. Чёрный дым начал заполнять замкнутое пространство чёрной вершины. Маленет понимала, что у них остались какие-то секунды, прежде чем остатки крыши шатра сдадутся перед яростью пламени и опустятся на них в виде удушающего покрывала горячей ткани.

- Вставай, - рявкнула она Готреку, одновременно вытаскивая оба клинка из земли. Истребитель хмыкнул и подхватил топор. Его огни потухли, что было несколько иронично, учитывая пожирающий всё вокруг пожар.

- Проклятый кусок шлака, - прорычал Истребитель. - Почему всё в этой новой реальности такое никчёмное?

Маленет услышала крик. Вскочив на ноги, она обернулась как раз вовремя, чтобы увидеть, как Шалдин прыгнула на них из охватившего сцену пламени. Её шёлковая одежда пылала, пожираемая огнём, и она выглядела как демоническая фурия, обрушившись на альфийку и дуардина, её лицо застыло в ужасающей гримасе, в которой смешались боль и ярость.

Вниз.

Когда хозяйка трупы с воплем налетела на неё, Маленет резко опустилась на корточки. Она ощутила, как что-то тяжёлое пронеслось у неё над головой, и поняла, что рефлекторно закрыла глаза. Послышался отвратительный звук разрушаемой плоти и крик оборвался. Что-то горячее и влажное окатило альфийку. Она открыла глаза и обнаружила, что с ног до головы залита кровью. По обе стороны от неё лежали половинки владычицы трупы, рассеченной топором Готрека, пламя стремительно пожирало окровавленные останки.

- Потанцуй теперь, - произнёс Готрек.

- Нам пора выбираться, - напомнила Маленет, указывая на ближайшую прореху в шатре, проделанную огнём. Пламя всё ещё облизывало её почерневшие края. Жара удерживала людей на расстоянии. Маленет убрала клинки в ножны, наклонилась и подобрала с пола расшитый плащ пустынного торговца.

- Стой позади и не уходи далеко, - приказала она Готреку.

- Не волнуйся, - прохрипел Готрек. - Если ты собираешься идти первой, то я, по крайней мере, увижу как ты сгоришь заживо раньше меня. Может быть, я даже выберусь отсюда, и тогда смогу спокойно искать надпись в тишине. Так что, давай, альвийка.

Маленет рванула к прорехе. От дыма слезились глаза и першило в горле, жар высушивал пот. Она споткнулась, но продолжала идти, держа плащ перед собой, как щит. За спиной послышалась тяжёлая поступь шедшего за ней Готрека.

Она рванула к дымящейся дыре в шатре, чувствуя над головой проносящиеся волны жара. Что-то опалило её руки и она выронила накидку. Сперва она не могла ни дышать, ни видеть, глаза резало от дыма, пепел забил глотку. А затем она прошла - жар схлынул, оставшись лишь воспоминанием, и она снова могла дышать. Маленет споткнулась, но смогла превратить падение в кувырок, и, наконец, остановилась, раскинувшись на спине на грубой траве оазиса, задыхаясь и глядя в небеса.

Готрек остановился рядом с ней, уперев руки в колени и жадно глотая воздух, не загрязнённый огненной кончиной шатра. Он что-то пробормотал, но Маленет не слушала. Её глаза по-прежнему были устремлены в небеса. Оно почти полностью было скрыто дымом, поднимающимся от горящих караванов, рынка и чёрной вершины, но она всё-таки смогла уловить что-то среди закручивающегося пепла и красных угольков. Ей потребовалось лишь мгновение, чтобы узнать очертания.

Она наблюдала за небесным кораблём дуардинов, фрегатом арканавтов, который чаще всего использовался пиратствующими владыками Харадрона. Его туша обводами напоминала корпус морского корабля, но вместо водяных волн он рассекал облака эфира, благодаря тайной силе трёх сферических двигателей, удерживаемых тросами и медной проволокой над корпусом корабля.

Сперва Маленет решила, что корабль был пришвартован где-то среди караванов Халед-Туша и снялся с якоря, когда начались пожары. Однако по мере наблюдения она поняла, что он скорее прибыл в оазис и удерживал позицию, а не пытался улететь.

С борта фрегата что-то упало. Она следила за этим взглядом - чёрная сфера, падавшая сквозь пепел и огонь, казалась безобидной на фоне царящего вокруг кошмара. Когда сфера исчезла среди пылающих останков базара, Маленет потеряла её из виду. Вспыхнул огонь, озарив силуэты стоявших рядом фургонов, и по пустыне разнеслось эхо нового взрыва, наконец принеся понимание происходящего.

Фрегат арканавтов атаковал Халед-Туш. Они забрасывали беспомощные караваны бомбами обид. Это их огонь поджёг чёрную вершину и разжёг пожары. Сейчас полыхал уже весь аванпост.

Тень закрыла Маленет обзор харадронского фрегата. Она моргнула и поняла, что Готрек стоит над ней. Потребовалось мгновение, чтобы осознать, что он протягивает ей руку. Она приняла её, тонкие пальцы альфийки скрылись в покрытой шрамами, напоминающей камень ладони дуардина. Маленет позволила Истребителю поднять себя на ноги и оглянулась на шатёр. Он уже почти полностью рухнул в пожиривший его огонь, и пространство вокруг него было заполнено массой людей, толкавшихся и пихавшихся в попытке убежать как можно дальше от его жара, пока пламя распространялось на редкие рощицы деревьев и пятна травы и кустов, росшие по берегам оазиса. Вокруг царил хаос и никто, казалось, не замечал корабль, сотворивший его. Фрегат меж тем развернулся и направился обратно в их сторону.

- Гномы? - спросил Готрек, проследив за взглядом Маленет.

- Не такие, которых ты знал.

- Очевидно, нет, - прорычал Готрек. - Только ушибленные на голову дави свяжутся с небом. Впрочем, здесь похоже все такие.

Корабль снижался. Кое-кто из паникующей толпы направился к нему, всё ещё не понимая, что именно арканавты и были ответственны за царившее вокруг разрушение.

Маленет снова вытащила кинжалы.

- Я молю, чтобы идея братоубийственной резни не беспокоила тебя, - мрачно заметила она.

Обычно каменное выражение Готрека, освещаемое отсветами пожаров, казалось, ожесточилось ещё больше.

- Нет, альф. Больше нет.

Глава четвёртая

Подбитые сталью сапоги Дурбарака врезались в землю с оглушительным грохотом. Выровнявшись, он отпустил поручень десантной лестницы и огляделся. Его команда собралась вокруг, огни развязанного его кораблём разрушения отражались от их доспехов, сапог, масок предков и пистолетов. Он сделал паузу, оценивающе оглядев два десятка харадронских налётчиков, пока их корабль продолжал изрыгать ад на торговый городок под своим брюхом.

Халед-Туша боле не существовало. Зажигательные бомбы-обида, сброшенные с фрегата, и раскалённые снаряды, выпущенные из орудий корабля арканавтов, спалили те немногие постоянные здания и форпосты и подожгли сотни фургонов и шатров, раскинувшихся вокруг оазиса. Теперь всё это представляло собой одну сплошную стену пламени, на фоне которой вырисовывались сотни мечущихся фигур тех, кому удалось пережить бомбардировку и которые теперь пытались сбежать в ночную пустыню, прихватив с собой всё, что им удалось второпях выхватить из огня.

Экипажу стоило поспешить, если они не хотели, чтобы их добыча тоже сбежала, предполагая, конечно, что выпущенное ими inferно уже не сделало за них всю работу. Мысль о сотнях погибших в огне вызвала мрачную ухмылку на губах Дурбарака. Иногда он сомневался в выбранном им пути. Сомневался в том, что нарушение кодекса Харадрона и превращение его владений в ничто, кроме грабежа и убийства, того стоило. Но в моменты, подобные этому, все сомнения сгорали в пламени пожаров. Даже опасение потерять награду, которую представлял собой тот истребитель, не могло преодолеть дрожь удовлетворения от столь масштабного и необузданного разрушения.

- Тром, Дрег, возьмите шестерых и осмотрите базарную площадь. Борин, ты и ещё трое, сделайте крюк на восток и перехватите всех, кто пытался уйти по главной дороге. Если нужно, добавь ещё огонька. Остальные, за мной.

Взяв оружие наизготовку, харадронцы ушли в освещаемую огнями пожаров тьму. Сам же Дурбарак повёл свою группу к изредка мерцающим сквозь дымную пелену и пламя водам оазиса. Он видел, как сотни людей выбежали из большого шатра, его тяжёлый холст был почти полностью пожран огнём, рождённым бомбардировкой с его корабля. Кто-то из людей бросился к оазису, другие устремились к базарной площади, кое-как находя дорогу в охвативших её огне и густом дыму. Дурбарак, как и остальные харадронцы, прежде чем надеть маску предка, обвязал нижнюю часть лица влажной тряпкой, отлично понимая, что ему тоже придётся как-то дышать посреди того ада, который он сам и возжёт. Он чувствовал его жар даже сквозь прорезиненную подкладку своего небесного костюма. Пот растекался по коже, делая каждое движение раздражающим и неприятным.

- Прошу, селлах, помогите нам, - выкрикнул ковылявший со стороны горящего шатра мужчина в разорванном головном платке. Дурбарак выстрелил в него, наслаждаясь мощной отдачей своего эфирного пистолета. Тяжёлый шар швырнул человека на землю, словно от удара секирой, кусок его торса улетел прочь. Харадронцы, не останавливаясь, прошли мимо трупа. Всё больше выстрелов сотрясало ночь, пока они убивали всех, кто попадался им на пути. Казалось, немногие поняли, что

пожар не был случайностью, и форпост подвергся нападению.

- Смотрите по сторонам, - прорычал Дурбарак, приказывая своему десантному отряду продолжать движение. Когда они только прибыли к форпосту, их навигатор, Зегги, осмотрел его с помощью полудюжины подозрных сфер, соединённых с различными частями подбрюшья фрегата. Однако разглядеть что-то среди огней и мечущихся толп было той ещё задачей, так что Дурбарак решил сделать всё по старинке - десант, пистолеты и сабли. Впрочем, это его не то чтобы сильно огорчило. Он всегда любил воочию смотреть на учинённую им резню.

- Справа по борту, - прорычал его мичман, Трег. Из толпы выбежало трое мужчин с поднятыми скимитами, в свете огней от горевшего неподалёку пожара, казалось, будто на изогнутой стали разлито жидкое пламя. Дурбарак поднял свой второй пистолет, но прежде чем он успел нажать на курок ближайшие к атакующим дуардины - Лорик, Стром и Гурбад - снесли их градом выстрелов.

- Продолжаем, - приказал Дурбарак. Со стороны караванов слышалось ещё больше стрельбы - остальные поисковые партии приступили к работе. Наконец-то до людей начало доходить, что дуардины явились не с дружескими намерениями. С криками и воплями они попытались рвануть прочь, но разбегающаяся от горящего шатра толпа снова толкнула их вперёд. Отступники-харадронцы открыли огонь, прикончив ещё больше несчастных караванщиков.

На миг Дурбарака охватил страх, что их цель сбежала. Однако он сомневался. Из того, что он слышал, бегство, пока невинные умирали под безжалостным огнём налётчиков, было противоположным тому, что сделала бы их цель. По крайней мере, он рассчитывал на это.

Остатки шатра рухнули, подняв в воздух столб огня и пепла. Наконец, толпа перед ними постепенно начала редеть. Раздался грохот, похожий на удар грома, и он догадался, что экипаж, оставшийся на борту фрегата, «Драз Карр», вероятно выстрелил из одной из пушек, чтобы разогнать людей, толпившихся у зоны высадки.

Они выбивались из графика, нахмурился капитан-харадронец.

Возможно, тот, кого они искали, уже был мёртв. Быть может, кости их жертвы уже трескались в жаре огня, охватившего базарную площадь или этот большой шатёр. Может, работа, на которую он нанялся, уже была выполнена. Он надеялся, что нет. Несмотря на приказы, у него не было намерения убить цель или её сообщников.

- Я что-то вижу, там, наверху, - крикнул Стром, указывая вперёд. Сперва Дурбарак не мог понять, что углядел его старпом. Но затем и он увидел это: тёмные фигуры, зажатые между пожирающим шатёр огнём и наступающими харадронцами.

Это был свет. И не факела, как он сперва подумал. Небольшой мерцающий огонёк, почти потерянный на фоне ревущего пламени позади, отражался от двух оголовьев топора по обе стороны от него. Спустя мгновение он, наконец, понял, на что смотрел - принадлежащая одному из кланов огненных истребителей двуручная секира из огнестали с выравненными на нём рунами, и на его конце, откуда расходились два лезвия секиры, пылала жаровня кузнечного пламени.

Свет озарил существо, несущее его. На расстоянии он выглядел как необычно крупный огненный истребитель с красным гребнем и бородой. Однако, когда тот приблизился, Дурбарак смог внимательнее разглядеть отличительные черты. Голый торс и предплечья покрывала толстая вязь синих татуировок, запястья неизвестного дуардина обжимали побитые наручи с болтавшимися на них остатками цепи.

Самой заметной же была его грудь - на ней красовалась сверкающая руна, блеск которой сразу же заставил Дурбарака ощутить зависть.

Злясь на себя, он усмехнулся. Он знал, что подписание этого контракта было хорошей идеей. Это привело его к Готреку Гурниссону.

- «Драз Карр», ко мне! - выкрикнул он, вызывая свою команду. - И помните, не стреляйте в него. Если мы собираемся получить выкуп, они нам нужны, по крайней мере, в двух частях!

- Это сделал ты? - проревел наступающий дуардин, указывая на тела, рассеянные вокруг харадронцев. - Мой старый глаз не обманывает меня? Вы - жалкие существа, осмеливающиеся утверждать, что они несут наследие дави в этом сумасшедшем мире?

Теперь было сложно не заметить ярость, пылающую в его горящем взоре, и при виде этого Дуурбарак почувствовал себя бородачёнком, пойманным кем-то из старших за неподобающим деянием. Он отбросил это чувство.

До него доходили слухи. Как и до остальных. Это делало Готрека Гурниссона лишь ещё более ценным. Будь он проклят, если прикончит такой источник потенциальной прибыли, что бы ни приказал его наниматель.

- Альф, - сплюнув, прорычал Стром и направил дуло пистолета за плечо надвигающегося Истребителя в сторону следующего за ним завёрнутого в тень изящного и высокого создания.

- Прекрасно, - прорычал Дурбарак. - За них обоих дадут отличную цену. Трег, Кразак - взять их.

Оба арканавта шагнули вперёд, расчехляя свои сетемёты.

- Сдавайтесь, если хотите жить! - крикнул Дурбарак дуардину и альфу.

Он зря сотряс воздух. Дуардин взревел и ринулся в атаку.

Глава пятая

Моменты, когда Маленет одобряла наиболее безрассудные решения Готрека Гурниссона, были весьма редки. Здесь же, посреди пылающего Халед-Туша, с криками и стонами его умирающих жителей, она отлично понимала ярость Истребителя.

Стоявшие напротив харадронцы выстрелили и тут же - казалось, что даже слегка поспешно - отступили от атакующего Истребителя. И хотя выражение их лиц скрывалось за масками, Маленет была готова держать пари, что облик разгневанного Готрека вызвал куда больше, чем обычный страх, в сердцах небесных разбойников. Когда Гурниссон сорвался в бег, старшая руна заискрилась от света, и яркая энергия наполнила тело дуардина, заполыхала в глазу, а его ошетилившийся красный гребень, казалось, наполнился прожилками золота.

За месяцы, что Маленет провела рядом с дуардином, она видела подобные вспышки лишь пару-тройку раз, и каждого хватало, чтобы развеять все имеющиеся у неё сомнения о мощи Готрека Гурниссона.

Сетемёты двух харадронцев не смогли нормально выстрелить: у первого сеть намоталась на дуло, а выстрел второго угодил в грязь под ногами Готрека. Маленет услышала, как один из харадронцев закричал остальным перезаряжаться, когда неистовый натиск Истребителя пожрал расстояние между

ними, и пламя окутало лезвия его секиры.

Маленет вытащила кинжалы и рванула за ним. Её гнев был не менее жарким, чем у Готрека, проклятья убийства сорвались с её губ. Если Владыки думали, что Готрек страшен, то они ещё не видели в гневе служительницу Кхаина.

Готрек нанёс удар первым, сокрушив ту пару отчаянно перезаряжающихся дуардинов, что пытались поймать его в сети. В панике один из небесных разбойников попытался выстрелить из своего пистолета в Истребителя. Выпущенный в упор снаряд всего лишь скользнул по боку Готрека, когда тот прорвался сквозь дым, яростно замахиваясь топором. Могучее оружие опустилось на дуардина сверху, расколов шлем, разрезав череп и небесный костюм и в итоге просто располовинив харадронца в ливне крови, которая с шипением испарялась с раскалённых лезвий секиры.

- Преступивший клятву *гробказ*, - прорычал Готрек, его голос был подобен грому. Он прошёл сквозь распадающиеся останки первого харадронца и махнул топором в сторону второго, снеся голову и отправив её в ночь, словно ядро катапульты. Раздалось ещё больше выстрелов, лишь добавив неразберихи, когда в битву ворвалась Маленет. Один из пиратов вовремя отвёл взгляд от Готрека, чтобы увидеть её приближение, и успел поднять кортик, отражая смертельный удар в сердце. Он с проклятьем отшатнулся, а Маленет продолжала натиск, выбирая неприкрытые бронёй части его лётного костюма, ни на мгновение не останавливаясь. Это снова напомнило ей «Семнадцать клинков».

Нет, поправила она себя, уклоняясь от отчаянного взмаха тесаком и вновь пробивая защиту дуардина. «Семнадцать клинков» были подобием убийства.

- Стой на месте, *ваннази*! - прорычал один из харадронцев, и Маленет поняла, что ещё больше дуардинов несётся к схватке, стекаясь со всех сторон пылающего городка. Её безнадежно превзошли в числе. Им вообще не стоило ввязываться в эту драку, даже после того, как они поняли, что именно небесные дуардины были ответственны за огненную бурю. Впрочем, она бы всё равно не смогла остановить Готрека, не после того, как он увидел, как харадронцы добивают спасшихся из пламени.

Финт вправо, и кинжал в её руке вонзился в подбородок харадронца, с которым она сражалась, проникая за маску предка. Из рта бородатой маски плеснула единственная струйка крови, запятнав серебряную поверхность, а затем харадронец булькнул и обмяк. Маленет, на всякий случай, крутанула кинжал в ране, а затем вырвала его из тела дуардина.

В этот самый миг что-то врезалось в неё сзади. Она попыталась отскочить, но нападавший вцепился в неё мёртвой хваткой, пытаясь найти, за что схватиться на её светлой кожаной броне. Что-то врезалось в её ногу, и Маленет задохнулась от боли. Она едва могла дышать из-за вонючего каучукового костюма и дуардинского пота, перебивавших запах гари.

Её всё же удалось извернуться и выскочить из хватки. Она развернулась, одновременно взмахивая кинжалом. Он врезался в шлем харадронца, а когда она попыталась отскочить, чтобы получить больше пространства, то почувствовала, как нога подкосилась. Один из новых атакующих врезал ей по голени молотом, и нога не выдержала её веса. Она согнулась и, выплюнув кровавые проклятья, приготовилась встретить набросившихся на неё харадронцев.

- Живой, я сказал - живой брат! - услышала она крик одного из дуардинов на их скрипучем языке. Она увернулась от удара небесной пики и отбросила опускавшуюся абордажную саблю, но, когда попыталась переместиться, нога окончательно сдалась, и Маленет опустилась на колени. Другой харадронец врезался в неё сбоку и повалил на землю, Маленет почувствовала чужое касание на одном из своих

клинков. Вывернула одну руку из его хватки, а затем вогнала кинжал в тушу харадронца, пытаясь пробить толстый лётный костюм. Дуардин выругался и врезал ей головой.

Звёзды вспыхнули перед глазами Маленет, когда маска предков встретила её лицом. Она попыталась отвернуться от неё, задыхаясь от боли в черепе, и сквозь помутившийся взор увидела Готрека, забрызганного кровью и пойманного новым выстрелом сетемётов.

Она попыталась дотянуться до него, попыталась закричать, но шлем харадронца снова врезался ей в челюсть, и дальше была только темнота.

Глава шестая

- Уходим, - приказал Дурбарак, бросив взгляд через плечо на Халед-Туш. Огонь уже распространился на островки зелени, росшей по берегам оазиса, и теперь доселе шумный форпост был полностью поглощён пожарами, созвездия над головой скрылись за густым покровом дыма и пепла.

.- Шевелитесь, - подогнал своих Дурбарак, врезав Тромму по спине для выразительности. «Драз Карр» лежал впереди, дрожь его работающих на холостом ходу двигателей вызвала приятные ощущения в наполненном дымом и пеплом воздухе. Он бросил взгляд на Строма, Элки и Боруна - все трое из всех пытались не отставать. Он приказала самым крепким из своего экипажа тащить плененного истребителя, но даже они еле тащились, кряхтя и обливаясь потом, хоть и сняли часть доспехов и уплотнителей лётного костюма.

Пленник был без сознания, как и альфийка. Причём чтобы вырубить дуардина, им пришлось потратить куда больше усилий. Даже сейчас, оглядываясь на Гурниссона, спутанного кишками небесного кита, Дурбарак чувствовал одновременно страх и восхищение Истребителем, на груди которого сверкала та самая руна. Он хотел затащить его на корабль и запереть в камере прежде, чем Гурниссон очнётся.

Готрек Гурниссон сделает их богатыми, Дурбарак не сомневался в этом.

- Поднимайте его, - передал Дурбарак приказ на главную палубу. Он увидел кого-то - наверное, Скега - мелькнувшего у палубного ограждения, и спустя несколько секунд пара грузовых крюков, крепившихся тросом к лебёдке, упала в грязь перед Дурбарак. Он махнул окружавшим его харадронцам. Один из тащивших пленника со сноровкой, говорящей об изрядной практике, прицепил крюки к опутывающей Готрека сети.

С клацающим звуком лебёдка потянула Истребителя на борт корабля.

- Топор, - приказал Дурбарак Кразаку, которому было отдано на сохранение могучее оружие истребителя - с самого начала Дурбарак отлично понимал, что ему стоит позаботиться не только о сохранности самого Гурниссона. Его оружие и спутники были важны не меньше. Захват печально известного дуардина вместе со всем остальным только увеличивало его ценность, а Дурбарак не собирался упускать выгоду всего лишь в обмен на более лёгкую жизнь. Это был не харадронский путь.

Кразак передал Дурбараку топор огненного истребителя, и он приторочил его за спиной. С борта «Драз Кара» уже опускались гравитационные лестницы, а гул, издаваемый двигателями, потихоньку нарастал, пока фрегат готовился к отлёту. Второго пленника - потерявшую сознание альфийку - тащил на плече Тромм. Большой дуардин первым залез на лестницу, и только после него начал забираться остальной экипаж. Дурбарак уходил последним, как и должен был делать капитан небесных налётчиков, оглядывая остающийся за спиной Халед-Туш. Тот теперь представлял собой не больше, чем пожарище. Некогда

прохладный воздух ночной пустыни теперь стал тяжёлым от запаха горелой древесины и сожжённой плоти, густая пелена чёрного и серого пепла укрыла его толстым покрывалом. Оазис превратился в печь. Зрелище разрушения и запахи наполняли Дурбарак таким глубоким мрачным удовольствием, что ему стоило определённого труда заставить себя развернуться и подняться на борт своего корабля.

Столь же восхитительные, как само опустошение, мысли о выгоде, которую ему могли принести истребитель и альвийка, были столь же дразнящими. По сравнению с этим, сумма, которую ему предложили за их убийство, была ничтожной.

Мысли о богатстве занимали его лишь несколько мгновений. Едва ступив на палубу «Драз Кара», он осознал, что что-то не в порядке. Истребитель и альвийка были затащены благополучно, но они оказались не единственными пленниками, захваченными экипажем. Скег сжимал в латной перчатке дрожащего и плачущего человеческого юнца, который что-то лопотал на каком-то искажённом языке пустыни.

- Это ещё кто? - спросил Дурбарак, прыгивая с перекладки грав-лестницы и тяжело шагая к Скегу.

- Я поймал умги, который прятался под корпусом, когда мы спустили двиргатели, - ответил харадронец, грубо встряхнув перепуганного человечешку.

- И? Почему он ещё жив?

- Он начал болтать об Истребителе. Я думаю, он знает Готрека Гурниссона, а ты сказал, что всё, что с ним связано, имеет свою цену, поэтому я и оставил его.

- Селлах! - взвыл человечешка. Готрека Гурниссона, всё ещё не пришедшего в себя и опутанного сетью, протащили по палубе к открытому трюму для пленников и бросили рядом с люком.

- Селлах, селлах, пожалуйста, - закричал человечешка, сделав жалкую попытку вырваться из стального захвата Скега, - ты должен очнуться, селлах!

- Привяжи и его тоже, - приказал Дурбарак. - Бросайте их в трюм и отваливаем, мы и так здесь задержались.

Его приказ был прерван криком. Он резко развернулся, хватаясь за пистолеты.

Альвийка пришла в себя. Она вывернулась из хватки Тромма и едва не скинула дуардина с борта фрегата. Два его ближайших товарища - Лорик и Стром - бросились на неё, пытаясь схватить за руки и прижать к палубе. Она снова извернулась и освободилась, пробив себе путь на свободу, как бешеный фелид, врезав по могучему брюху Лорика. С черепа альвийки сочилась кровь, стекая по худощавому лицу, тёмные волосы хлестали вокруг, в чёрных широко распахнутых глазах застыла дикость. Взгляд её глаз зафиксировался на пленённом человеке, которого продолжал цепко держать Скег.

- Госпожа, помогите, - взмолился человечешка. Она колебалась всего лишь мгновение, как решил Дурбарак, размышляя, остаться с пленниками или прыгнуть за борт.

В конце концов, решение было принято за неё. Стром, подойдя на шаг к альвийке, взвёл свой эфирник.

- Замри или сдохни, - рыкнул харадронец.

- Мы пришли сюда не для того, чтобы убить вас, - заговорил Дурбарак. - Гримнир знает, что я бы не прочь, но вы ценнее живыми. Подумай, прежде чем бросишься за борт.

Казалось, посеянных им сомнений оказалось достаточно. Он ощутил, что альфийка стала менее напряжённой, когда смирилась с ситуацией. Дурбарак коротко махнул рукой Лорику и Строму и те начали не спеша подходить к альфийке. Выражение на её лице сменилось от загнанного и дикого до надменного, сдержанного смирения.

- Отпустите его, - сказала она на местном человеческом наречии, указывая на спутанного Готрека Гурниссона. - Если у вас есть хоть какое-то уважение к собственным сородичам или выживанию Смертных Владений, вы не передадите его тому, кто вам заплатил.

- У меня нет уважения вообще ни к чему, - ответил на том же наречии Дурбарак под смех остальной части экипажа.

Альфийка собралась было что-то ответить, но в этот миг Лорик врезал ей в живот, заставив сложиться едва не вдвое, а затем ещё разок вмазал по голове.

- Золотые шары (яйца) Грунгни, - проворчал он удовлетворённо. - Вот теперь я доволен, - закончил он, когда альфийка свалилась на палубу.

- Спустите их в трюм, - рявкнул Дурбарак, направляясь к рулевому колесу и коробке передач на мостике фрегата. - И поднимайте нас в эфир. И шевелитесь, пока нас кто-нибудь не нагнал.

Глава седьмая

Маленет разбудила вибрация корпуса фрегата, движимого двиргателями. Она села и тут же пожалела об этом. Боль вспыхнула в животе и черепе, словно солнечный удар, заставив Маленет вздрогнуть и снова откинуться назад.

Со стоном альфийка была вынуждена смиренно дать время собственной голове смириться с её новым окружением. Её руки были связаны дуардинской верёвкой. Это было первым, что она заметила. Второе - Готрек и Азиз были рядом с ней. Оба уже пришли себя, и оба связаны, как и она. Готрек сердито пялился в стену, Азиз выглядел просто сильно испуганным.

Третье осознание заключалось в том, что в её волосах был ветер, и что они поднялись в небеса. Она осторожно, опасаясь новой вспышки боли в черепе, огляделась вокруг.

Они находились в трюме для пленников харадронского небесного корабля. Люк был открыт, но забраться к нему по ребристым от труб бортам было невозможно. Над ними пульсировали шары двух двиргателей, их латунно-стальные корпуса сверкали в чистейшем свете зари. Их таинственные силы соперничали со звуком бьющих по воздуху лопастей роторов, красовавшихся на бортах летучего корабля. Кроме этого была только лазурь.

- Сколько я была без сознания? - спросила Маленет, сглотнув, прежде чем смогла заговорить. Её горло пересохло.

- С тех пор, как тебя схватили, - ответил Готрек без единого намёка на юмор.

- И как давно это было? - огрызнулась она, скривившись от боли, вызванной резким движением.

- Вчера вечером. Вы, новые альвы, такие же хилые, как и старые - один удар - и ты готова.

- О, если бы у меня были сила и стойкость великого Готрека Гурниссона. Уж тогда я бы точно не

позволила схватить себя шайке харадронских пиратов, - прошипела Маленет. - Если не ошибаюсь, последний раз я видела тебя валяющимся на их палубе без сознания и в сетях...

Готрек развернулся к ней, и Маленет решила было, что он набросится на неё, но затем увидела его оковы - тяжёлые металлические кандалы, а не те верёвочные узлы, что впивались в её собственные запястья. Их похитители, похоже, отлично представляли себе смертоносный потенциал Истребителя.

- Ты пытался торговаться?

- И с чего бы я стал это делать? - прорычал Готрек. - Единственное, о чём я стал бы с ними торговаться, это сейчас мой топор насытится их кровью или чуть позже.

- Они дуардины, злоба Кхаина. Они нас не убили, поэтому им что-то нужно. Они не просто убийцы, а если и да, то явно решили не выполнять отданного приказа. Так что поторгуйся с ними.

- Я... мне кажется, что слышал что-то о выкупе, селлах, - пробормотал Азиз. - Эти небесные собаки, как я слышал, иногда крадут людей на дорогах, чаще всего богатых торговцев. Они не следуют кодексу своих родичей.

- Они думают, он с нами, - заметил Готрек, нахмурившись, и посмотрел на висящие над головой сферы двигателей. - Я сказал им, что это не так. Сказал им, что они должны просто выбросить его за борт их... что бы это ни было.

- Это небесный корабль, - проямлил Азиз, заламывая связанные руки.

- Не похоже ни на один из небесных кораблей, которые я знал прежде. А мне случалось быть на борту одного-двух.

Дрожь пробежала по окружавшим их холодным плитам палубного настила. Спустя мгновение на краю трюмной ямы показалась фигура, а следом за ней ещё пара. Маленет воззрилась на мрачные, ничего не выражающие маски предков своих похитителей. Один из них направил на них сверкающее от эфирной энергии дуло залповой пушки. Она вспомнила, как очнулась на палубе небесного корабля в тот момент, когда тот собирался отчалить от учинённого им огненного ада, в который превратился Халед-Туш. Дуардин приказывал взять их живьём. Впрочем, попасть живыми в руки Владык Харадрона это не было чем-то хорошим.

Один из прибывших, на его спине был приторочен топор Готрека, указал на неё.

- Тащите сюда альфа.

Один из его товарищей спустил тяжёлую лестницу. Прикрываемый залповой пушкой, он спустился и схватил Маленет за руку. Она не сопротивлялась. Сейчас было не время. Азиз захныкал, Готрек же продолжал хранить невозмутимость, его взгляд был сосредоточен на чём-то над его головой, словно не замечая происходящего вокруг него.

Дуардин, схвативший Маленет подтолкнул её к грав-лестнице. Подниматься со связанными руками было не очень легко, но стоявший наверху харадронец опустил на колени и, схватив её вытянутые руки, вытащил на палубу. От ударившего ветра, когда она коснулась ногами палубы, Маленет вздрогнула и одновременно ощутила новую дрожь, сотрясшую ребристый металл. Она была уверена, что слышала, как один из двигателей сбился с ритма.

- Шагай, альф, - прорычал дуардин, рукой в спину подталкивая её к наружным поручням небесного

корабля. Она пошатнулась, желудок подскочил к горлу, стоило увидеть, как же высоко они забрались. Куда ни глянь, простиралась Костяная пустыня, словно отбеленный Хишем лист, огромные дюны выглядели всего лишь как тысячи крошечных волн на простирившемся во все стороны пространстве выбеленного Хишем песка.

- Кто это? - спросил дуардин, указывая куда-то за задний двиргатель. Маленет прищурилась от бьющего в лицо ветра, пытаясь разглядеть что-то за далёкой дымкой.

- Я никого не вижу.

- Ты не сможешь воспользоваться моей подзорной трубой, альв-убийца, - прорычал дуардин. - Ты выкинула её за борт. Так что либо воспользуйся своим хвалёным зрением, либо мы посмотрим, как тебе понравится, когда мы подвесим тебя за бортом.

Харадронец снова махнул рукой, и Маленет вцепилась в поручни, всматриваясь в бескрайнюю пустыню. В конце концов, она начала различать некую форму, тёмную на фоне бледного золота пустыни, далёкий силуэт, казалось, следующий за фрегатом.

- Всадник, - наконец, ответила она, вынужденная кричать, чтобы её можно было услышать за свистом ветра и гудением двиргателей.

- Кто это? - рыкнул харадронец.

- Я не знаю, у меня не было других спутников, кроме дуардина и мальчика!

- Тогда ты не будешь возражать, если мы поприветствуем его по-харадронски. Скори, готовь небопушку и разверни нас.

Но не успели харадронцы исполнить приказы своего главаря, как раздался металлический свистящий шум, а затеем свист вырвавшегося пара. Маленет подняла взгляд и увидела, как на одном из прорезиненных шлангов, ведущих к двиргателям, разошлись заклёпки, и из отверстия со свистом вылетал пар, а из трещин на металлической сфере выше потекла маслянистая субстанция.

- Дрегг, вверх! - выкрикнул державший Маленет харадронец, указывая на двиргателевода, выходящего из каюты в задней части фрегата, держа полусварку и зубчатый молоток.

- Ещё один! - воскликнул другой харадронец, указывая на один из клапанов двиргателя. Вся сфера начала заметно скукоживаться и деформироваться под воздействием каких-то внутренних напряжений, словно её схватил огромный невидимый кулак и теперь давил металлическую оболочку.

- Клятва Грунгссона, - успел выругаться стоявший рядом с Маленет харадронец, прежде чем корабль накренился.

Движение жёстко бросило весь экипаж, включая Маленет, на правый борт. Её швырнуло на какие-то такелажные кабели, прирожденное чувство равновесия было сковано опутывающей руки верёвкой. Когда корабль резко крутанулся в обратную сторону, Маленет врезалась в ограждающие поручни, выплюнув своё собственное проклятье. Взявший её в плен корсар что-то проворчал, пытаясь удержаться на палубе, в чём ему помогали шипы на ботинках.

- Проверьте показания двиргателя! - рявкнул он. С момента первого прорыва защитной оболочки звук, издаваемый двиргателем, удерживающим корабль в воздухе, заметно изменился. Ушёл ровный вибрирующий гул, сменившийся уродливым чихающим грохотанием. Пока Маленет прислушивалась к

нему, он, казалось, стал ещё более резким и нерегулярным. В голосах окружавших её дуардинов, что откликнулись со своих постов, прорезались панические нотки. Она не могла разобрать все грубые ответы, но, судя по всему, ничего утешительного в их докладах не было.

Небесный корабль снова вздрогнул. На сей раз не с внезапной яростью, а с ещё более ужасающим медленным ощущением скольжения. Маленет была первой из её окружения, кто отметил небольшое изменение наклона палубы. Пока угол продолжал неуклонно увеличиваться, она изо всех сил вцепилась в поручни ограждения и, наконец, дуардины тоже это заметили.

- Тром, откалибруй стабилизатор! - проревел дуардин рядом с Маленет. - Мы сейчас опрокинемся!

Со звуком, напоминавшим агонизирующий вопль, завибрировали два оставшихся двигателя. Металл вокруг Маленет яростно затрясся, пар вырывался из люков и портов небесного корабля, обволакивая пораженный фрегат, продолжавший медленно, неуклонно крениться.

- Люк! - услышала Маленет ещё один голос, прорвавшийся сквозь вой сминаемого металла, шипение вырывающегося из всех щелей пара и крики дуардинов. Это был Азиз.

Возница и Готрек по-прежнему оставались в трюмной яме. И, что ещё важнее, её люк был открыт.

Дуардины, похоже, совсем позабыли о ней. Некоторые забросили кошки на дальнюю часть корпуса и теперь с их помощью с удивительной ловкостью перемещались по кренящейся палубе. Другие использовали сабли, кинжалы и абордажные пики, чтобы зацепиться за части корабля, и пытались пробраться обратно на мостик и к датчику уровня, от которого, похоже, теперь зависела воздушная плавучесть корабля. Один сорвался и врезался в поручни ограждения, издав ворчащее проклятье.

Перила. Маленет прекратила попытки борьбы с уклоном и вместо этого упала на поручни ограждения. На миг они остались единственной преградой между ней и неконтролируемым падением. Пустыня внизу раскинулась во всей своей вызывающей чувство тошноты огромности. Маленет заставила себя не смотреть вниз, и вместо этого встала обеими ногами на одно из перил ограждения, а затем оттолкнулась и прыгнула к краю трюмного люка.

Она едва не промахнулась. Её по-прежнему связанные руки вцепились в края люка, от удара о металлический корпус выбило воздух из лёгких.

- Люк! - снова услышала она крик Азиза. Угол наклона корабля уже был таким, что Азиза и Готрека в любой момент могло выкинуть за борт.

- Я пытаюсь, дурак, - прохрипела она. Рычаг люка был установлен в палубе сбоку от него, но добраться до него со связанными руками не представляло возможности, по крайней мере, если она хотела не потерять хватки на поручнях.

Она поморщилась. Когда это у слуги Кхаина возникали сомнения, если приходилось сыграть в эту игру, где ставкой была жизнь?

С громким воплем она прыгнула в сторону. Когда она расцепила хватку на люке и её живот потянула пустота, раскинувшаяся под ней, Маленет показалось, что она бросилась к своей смерти. Время замедлилось, когда она выгнула спину и протянула руки в сторону рычага. Она видела, как узы скользят мимо и вверх, когда её прыжок достиг верхней точки, и показалось, что импульс снова бросит её на палубу, но тут верёвки зацепились и натянулись.

Они выдерживали её вес лишь секунду, прежде чем разорвались, но к этому моменту она уже подтянулась и вцепилась в сам рычаг. Маленет снова ударило о палубу, когда падение было резко остановлено, а затем под её весом рычаг со щелчком потянуло вниз. Альфийка снова повисла в воздухе, пытаясь изо всех сил удержаться за рычаг. Но она сделала это. Запирающий механизм был включён.

Она услышала треск, и что-то ударилось о палубу рядом с головой. Похоже, в неё выстрелил из эфирника один из дуардинов, зацепившийся за палубу крюком. Выше в трюме, раздался грохот, когда люк начал со щелчками закрываться.

У неё оставалось в лучшем случае пара секунд, прежде чем она окажется заперта снаружи.

Мышцы, горевшие от немыслимого напряжения, вздёрнули её к рычажному блоку. Пути глубоко врезались в запястья, но, освободив руки, она почувствовала себя куда увереннее. Присев, как кошка, на узком металлическом пятачке, она позволила себе пару секунд, чтобы передохнуть и сосредоточиться, не обращая внимания на то, что палуба корабля наклонилась уже почти на девяносто градусов к раскинувшейся далеко внизу пустыне.

Она прыгнула, сопроводив прыжок криком, хотя сама практически и не осознавала этого. Люк разверзся перед ней, его решётка захлопнулась всего в паре дюймов от её пяток, когда Маленет влетела в трюм, и люк захлопнулся.

Она оказалась заперта в ловушке в брюхе фрегата арканавтов, который падал в пустыню. Но тут либо это, либо оказаться на открытой палубе и отправиться в долгий, или не очень, полёт до раскалённых песков внизу, когда корабль окончательно перевернётся кверху килем.

Она проскочила через люк, лишь на волосок разминувшись с торчавшими из запорной решётки шипами и ещё даже не успела врезаться в палубу, когда услышала как люк захлопнулся с громким стуком. Она врезалась в металл, издав нечленораздельное ворчание, а затем её швырнуло в сторону. То, что когда-то было полом трюма, теперь стало его стенкой, а стена, у которой они до этого лежали - полом. Люк, теперь закрытый, находился справа от неё. Сквозь его решётки поблескивала пустыня, от вида раскинувшегося горизонта у Маленет закружилась голова.

И только теперь осознание происходившего, наконец, добралось до разума Маленет.

- Злоба Карги сохранила меня, чтобы я забрала ещё больше жизней во славу Кроваворукого, - нараспев произнесла она.

- Держись за решётку! - закричал Азиз, едва слышимый из-за криков гибели разрываемых, сминаемых двигателей. Мальцу удалось освободиться от своих пут и теперь он вжался в уголок трюма.

Небесный корабль повернулся вокруг своей оси. Маленет ударилась о решётку трюма, которая теперь стала полом. Ниже была лишь пустыня. Альфийка вцепилась в решётку, чувствуя, как её желудок устремился к горлу. Мимо пролетел дуардин. Его привязь разорвалась, а крик заглушил ветер и вызывающий боль в ушах грохот погибающих двигателей. Она могла видеть и других, болтающихся на верёвках или абордажных пиках, зацепившихся за такелаж или поручни. Дюны внизу стремительно приближались, приветственно раскинув объятия.

- Надеюсь, ты не страдаешь от воздушной болезни, альв, - услышала она голос Готрека. Он держался за решётку, руки вцепились за один из углов. Выглядело всё так, словно он наслаждался происходящим.

Она закрыла глаза и попыталась изгнать из разума мысли о падении корабля словами злобы и убийства,

старой успокаивающей мантрой Скрытых храмов. Она летела к смерти и часть её уже смирилась с этим. Её единственная надежда состояла в том, что именно Кхаин заберёт её душу, а не какое-то иное жестокое божество.

Звук пытаемых двигателей достиг лихорадочной частоты, изгоняя любую разумную мысль, оставив в любом, кто ещё находился на борту фрегата, чистейший первобытный ужас. Маленет снова открыла глаза и увидела прямо впереди дюну, пойманную в мгновение совершенной ясности, безмятежно неподвижную в палящей жаре.

Мир вокруг Маленет, казалось, успокоился. Сотрясающая кишки дрожь и ощущение падения, и даже боль двигателей. Всё, что она могла слышать - это перестук её собственного сердца, бой крови в ушах, дыхание, застывшее в лёгких.

- *Кхаэла менша адрати Кхаина*, - сказала она, произнесла последние слова обряда своего храма.

Небесный корабль рухнул.

Глава восьмая

Она вспомнила слова человека-воина - Байзора, члена ордена Азира - что каждый раз, когда он приходил в себя после того, как его вырубili, именно боль позволяла ему понять, что он всё ещё жив. Видимо, в том загробном мире, чем бы он ни был, в который Байзор верил, боли не было, поэтому её наличие становилось свидетельством того, что он не умер.

У Маленет такой уверенности не было. Храмы Чёрных судов и Теневых коленов проповедовали ни что иное как боль, и хладнокровное убийство облегчало её. Когда она очнулась, остро ощутив шипы боли в боку и болезненную пульсацию в черепе, в её вялых мыслях возник вопрос: предстоит ли ей заключительное испытание перед Кроваворуким и, возможно, поквитаться со своей старой госпожой, в последний раз.

Часть её, далёкая и ледяная, как утро Шайша, надеялась, что Джакари уже пересекла эту черту и ждёт её с той стороны.

Подобное милосердие было неподобающим для Бога Убийства. Глаза Маленет, затрепетав, распахнулись, и она обнаружила, что уставилась на покрытое шрамами, грубое лицо Готрека. Она дёрнулась, пытаясь оттолкнуться от дуардина, и только теперь осознала, что сидит, прислонившись спиной к корпусу фрегата. Часть разорванных медных труб впилась в бок, оставив на нём кровоточащие порезы. Из горла Маленет вырвался стон, когда движение растревожило множество мелких синяков и ссадин, которые она получила за предыдущий день.

Готрек встал, отворачиваясь от неё. Он где-то достал свой топор, и ей показалось, что в его глазах она уловила лёгкий намёк на веселье. Осторожным прикосновением Маленет проверила свою раскалывающуюся голову. Ни шишка на нём, ни синяки от трубопровода не казались опасными, но, пока её бросало по трюму, похоже, открылась рана, нанесённая ей танцовщицами Альхараба. Оглядев отошедшего Готрека, она заметила рану на его руке. Что-то прорезало его правый бицепс до кости, и рана всё ещё кровоточила, оставляя блестящую багровую полосу.

Протянув руку, она схватилась за металлическую распорку, которая прежде, похоже, была ребром борта небесного корабля. Встав, она обнаружила, что земля под ногами смещается и горячая - песок сменил прочные плиты палубы.

Итак, корабль приземлился и они выжили. Оглядевшись, она поняла, что по-прежнему находилась в трюме, по крайней мере, в том, что от него осталось. Корабль, судя по всему, врезался в дюну и пропахал её, остановившись на боку в ложине между ней и следующим песчаным барханом. Песок снаружи разорванного и перекрученного трюма покрывали обломки и иной мусор.

Она попыталась заговорить, но из глотки вырвалось лишь сухое карканье, быстро перешедшее в кашель. Готрек повернулся и, отцепив что-то от пояса, кинул на песок рядом с ней. Это оказалась фляжка с харадронской меткой. Приложив её к губам, она с облегчением почувствовала освежающий вкус воды, а не обжигающего дуардинского пива.

Она не успела сделать и пары глотков, как её желудок взбунтовался, и Маленет скрутило в приступе тошноты. Она стояла на четвереньках, задыхаясь и хватая ртом воздух, чувствуя в ноздрах вонь, а в глотке - густой и кислый вкус рвоты. Наконец, Маленет села, тяжело дыша, и смахнула с лица потные волосы. Её сотрясала дрожь.

- Я почти впечатлён, - проговорил Готрек, вставая над ней. - Думал, что подобное крушение прикончит слабого и изнеженного альва.

Слова заставили её слабо рассмеяться, хотя она и не могла понять, что стало причиной для веселья.

- Пей, - сказал он ей, снова отворачиваясь. Маленет последовала его совету, сплюнула мерзкую слюну и остатки желчи и сделала осторожный глоток из фляги.

- Ты ранен, - заметила она. Слова, покинувшие её глотку, прозвучали, как хриплое карканье. Он даже не обернулся.

- Бывало и хуже.

- С того времени, как мы вместе - нет.

- Ты со мной не очень долго, тёмный альв.

Маленет нашла в себе силы - откуда только взялись - чтобы закатить глаза.

- Нужно почистить и перевязать рану, прежде чем ты потеряешь ещё больше крови.

- Я предпочёл бы очистить и перевязать твой непрерывно зудящий рот.

Готрек вышел из тени корпуса в пылающий свет пустыни. Сделав паузу, чтобы собраться с силами, Маленет смогла подняться и вышла следом за ним, прикрыв глаза от ослепляющего сияния. Бок о бок они принялись исследовать обломки харадронского судна.

Во время первого столкновения корабль снёс участок дюны позади них и пропахал глубокую борозду в ложе междюнной долины. Большая часть корпуса оказалась неповрежденной, но два из трёх двигателей были полностью разрушены, их раскуроченный металл покрывал песок вокруг корабля. Как и тела, осознала Маленет. Трупы харадронцев беспорядочно валялись среди обломков крушения их фрегата.

- Никогда не видела, чтобы сработанные дуардинами машины так ломались, - заметила Маленет, глядя на останки третьего, единственного оставшегося наполовину целого двигателя, погребённого в дюне в сотне ярдов справа от неё.

- У Малакая бы не сломались, - буркнул Готрек.

- У кого?

- Единственный гном, с которым бы я рискнул лететь на проклятом небесном корабле. Он был изобретателем, равного которому ты не найдёшь в этих унылых владениях. Человечек говорит, что мы недалеко от Восьми Столпов. Они в той стороне, - он указал на следующую дюну.

- Человеческий... - начала Маленет, но затем заметила движение среди обломков корабля. Из разбитых останков того, что было иллюминаторами главной рубки фрегата, выползла фигура. Когда она спрыгнула на песок, Маленет узнала Азиза. Возница поднялся на ноги и, увидев её, весело махнул рукой. Удивительно, но, казалось, он был целым и невредимым.

- У них были запасы, - объяснил Готрек, пока Азиз спешил к ним. Тот привязал к поясу ещё полдюжины харадронских фляг, и теперь они издавали стук с каждым движением парня. К спине Азиз приторочил мешок.

- Вы очнулись, селлах, - воскликнул Азиз, добравшись до них. Маленет поморщилась.

- Чувствую себя так, что лучше бы этого не делала.

Веселье Азиза увяло под ледяной реакцией Маленет. Ей пришлось переступить через себя, чтобы с усилием отдать ему должное.

- Если бы ты не крикнул мне закрыть люк, то я бы наверняка сейчас стояла перед судом Кхаина. За это я благодарю тебя, Азиз.

Заразная улыбка парня снова вернулась на его лицо. Сняв мешок со спины, он покопался в нём, а затем вытащил две серебристые полоски - кинжалы Маленет.

- Всё для вас, селлах, - сказал он, вручая ей каждый кинжал по очереди.

- Они были в каюте, - сказал Готрек.

- Нас хотели продать вместе с нашим оружием, - заметила Маленет, внимательно осмотрев оба клинка, прежде чем прицепить их обратно на пояс. - Ещё раз спасибо, Азиз.

- Восемь Столпов, - заговорил Готрек, обращаясь к человеку. - Ты уверен?

- Так же как в том, что Хиш поднимается над морем Мер, селлах, - сказал Азиз, указывая на пылающий шар, доминирующий в безоблачном небе. Опустив руку, он указал на ближайшую дюну. - Хотя, если честно, я не знаю, насколько он далеко.

- Мы не можем вернуться, - сказала Маленет. - Халед-Туш теперь всего лишь зола. Кроме того, за твоей раной нужен уход.

Она потянулась, чтобы коснуться руки Готрека, но Истребитель отпрянул с угрюмым взглядом.

- Не обращай со мной, как с новорождённым бородачёнком, я насквозь вижу все твои интриги, альв. Ты посоветуешь мне пойти в этот твой храм. Ты хочешь сделать меня их пленником.

- В храме Молнии есть целители, - ответила Маленет, пытаясь сдержать раздражение. - Обученный человеческий хирург, верный ордену Азира. Если рану не зашить, то в ней начнётся заражение. Хорошо

ли будет выглядеть однорукий полубог?

- Я сражался в этом мире и прошлом, не потеряв ни одной части себя, которой бы дорожил, - хмыкнул Готрек. - И я не собираюсь отступать от этого правила сейчас.

Маленет бросила взгляд на Азиза, но тот упорно смотрел куда-то вбок, явно не желая быть втянутым в спор между своими малопривлекательными спутниками. Она вздохнула.

- Я отправляюсь к Восьми Столпам, - отрезал Готрек. - Там мне будет указано местоположение топора Гримнира. Куда отправишься ты - это твоё дело.

Истребитель замолчал, когда Маленет неожиданно рванула вправо с искажённым от гнева лицом.

Она увидела, как одно из харадронских тел, засорявших пустыню, пошевелилось. Маленет думала, что они все мертвы, став жертвой либо обломков корабля, либо удара о пустыню, но, похоже, она ошибалась.

Маленет узнала дуардина - он был единственный, чья маска предка была золотой, а не серебряной, как у того, кто вытащил её из трюма. Она ощутила, как злоба волной поднялась внутри неё и, не задумываясь, опустила на колени рядом с харадронцем и приставила острие кинжала к замку на его горжете.

Кулак, словно тиски, сжался на её запястье, прежде, чем она успела закончить то, что собиралась. С искажённым от гнева лицом она уставилась на Готрека.

- Ты что делаешь? - прошипела она.

- Называй это привычкой, - ответил тот. - Но я не буду сидеть, и смотреть, как альв перерезает глотку гному в беспамятстве.

- Они пираты, - неверяще сказала Маленет. - Они прикончили сотни невинных людей в Халед-Туше. Они собирались продать нас карга знает кому!

- И они получили по заслугам, - ответил Готрек, указывая на обломки корабля и тела раскиданные вокруг.

- Если они выживут, то последуют за нами!

- Думаешь, они смогут уйти далеко? Мы забрали всю воду. Если хочешь их смерти, то тебе надо просто подождать. В конце концов, у нас всё равно нет времени, чтобы обыскать всю округу и прикончить оставшихся в живых. Я хочу поскорее добраться до этой чёртовой надписи.

Сын Гурни прав, Ведьмин Клинок. Они всё равно что мертвы. Хватит терять время.

- Он глупец, - прорычала Маленет, но убрала кинжал от горжета харадронца. Готрек отпустил её.

- Тогда пошли. Или, может, подождём, пока он окончательно не придёт в себя. Тогда ты позволишь мне прикончить его?

Готрек ничего не сказал.

- Восемь Столпов, человек, - кивнув головой, обратился Истребитель к неуверенно переминавшемуся с ноги на ногу Азизу. - Веди.

Глава девятая

Рука Дурбарака была сломана. Он зафиксировал её и сварганил временную перевязь из куска троса двиргателя. Боль была тусклой, постоянной пульсацией, даже и рядом не стоявшей с обуревающим его гневом.

«Драз Карр» был разрушен без малейшего шанса на восстановление. Корпус был погнут и расколот, двиргатели раздавлены. Перекрученные обломки его корабля усеивали Костяную пустыню.

Как и тела. Трупы его товарищей, которые не успели привязаться к корпусу корабля, прежде чем тот перевернулся. Впрочем, среди остальных тоже выжили не все. Он уже отыскал Строма и Борина, раздавленных одним из двиргателей, когда остатки смятой сферы сорвались с креплений врезавшегося в дюну фрегата.

Его источник дохода лежал в руинах, товарищи по команде - мертвы. Кто-то за это заплатит. Он уже проверил тюремный трюм, но обнаружил лишь прореху, образовавшуюся после крушения. И три пары следов, ведущих от обломков «Драз Карра», следов, ведущих на восток, за дюны. Дурбарак снял свою маску предка и смотрел им вслед, баюкая сломанную руку и пытаясь справиться с вызванной гневом дрожью.

Воду они тоже забрали собой. Ему удалось найти единственную флягу, да и то полупустую, среди обломков трюма, но не боле того. Ему придётся идти, и притом быстро. Хотя какая-то часть его хотела просто остаться рядом с останками фрегата.

Он услышал звук, принесённый с шёпотом пустыни. Сперва Дурбарак решил, что это низкий стон продолжавших разваливаться на глазах останков корабля, но затем он понял, что это был голос. Голос, который он узнал. Дуардин развернулся и вернулся в трюм, разгребая песок, который корабль набрал, пока пахал дюны.

Он обнаружил Трома, лежавшим в тени одного из сломанных двиргателей, чья разодранная оболочка была наполовину погружена в песок. Ноги харадронца были сломаны - кости и хрящи торчали из его пыльного небесного костюма, песок покрывала кровь, показывая участок корабельных руин, откуда он вытащил себя из-под палубного настила. Обломки брони и маска предка валялись рядом, отброшенные из-за адской жары. Он был в полубессознательном состоянии.

Дурбарак поплёлся к нему, отцепив флягу от пояса. Веки Трома затрепетали и он, моргнув, посмотрел на своего товарища по команде.

- Капитан? - его голос был сухим, умирающим карканьем.

- Потише, парень, - ответил Дурбарак, опускаясь рядом с ним на колени и прижав горлышко фляжки к губам своего умирающего товарища. Тром же отвернул голову, не став пить.

- Тебе это понадобится больше, чем мне, капитан. Со мной покончено.

- Я собираюсь найти того, кто сделал это с нами, - прорычал Дурбарак. - Того клятвопреступника *таггораки*, что предал нас.

- Корабль... - пробормотал Тром. - Корабль бы никогда сам так не развалился. Кто-то... кто-то отсоединил линии клапанов.

Ответ Дурбарака был прерван ржанием лошади. Он застыл. Тром тоже услышал это, и его выражение

слегка прояснилось.

- Это... - начал он.

- Оставайся здесь, - прорычал Дурбарак. Он оставил флягу на коленях Трома и убедившись, что один из его пистолетов заряжен и и до сих пор висит на поясе, отправился к основному скоплению обломков «Драз Карра». Звук исходил с другой стороны труп левиафана.

Он осторожно поглядывал по сторонам, солнечные зайчики били по глазам, ветер приносил песчинки от раскалённого как в топке корпуса. Дурбарак обогнул сломанный пропеллер, погружённый в почву, и обнаружил, что смотрит на лошадь.

Даже в глазах дуардина зверь выглядел прекрасно, белый и злобный, дёргавший поводья, которыми был привязан к сломанной лопасти пропеллера. Дурбарак вытащил эфирник, не сомневаясь, что всадник где-то неподалёку. Однако рядом со зверем никого не было. Конь сердито фыркнул на него и снова издал пронзительное ржание. Только теперь он заметил седло на его спине и эмблему на попоне. Дурбарак резко развернулся и рванул прочь, обратно к Трому, ругаясь и спотыкаясь на ходу.

Он услышал потрескивающий звук - разрядку ещё одного пистолета, эхо отразилось от обломков «Драз Карра». Ругаясь ещё громче он припустил со всех ног к разбитому двигателю, сломанная рука пылала от боли.

И опоздал. Тром валялся на боку, булькая и хрипя, бороду и руки покрывала кровь, хлещущая из перерезанного горла. Фигура отошла от умирающего харадронца, щёлкнул плащ, подхваченный порывом ветра. Он почувствовал Дурбарака и развернулся, когда тот поднял свой пистолет.

- Ты, - прорычал бывший капитан «Драз Карра». Истребитель не ответил, вместо этого взмахнув своим плащом.

Дурбарак выстрелил, но к тому моменту, как капитан нажал на спусковой крючок, он уже был мёртв - метательная звёздочка вонзилась ему между глаз, мгновенно прикончив. Выстрел ушёл в молоко, и он рухнул спиной на раскалённый песок, невидящим взором уставившись в огненно-слепящий шар Хиша.

Ассасин вытащил метательную звезду, а затем присел рядом с Тромом и с явным увлечением наблюдал за долгой и мучительной смертью последнего выжившего члена экипажа фрегата арканавтов. Когда его взгляд, наконец, остекленел, убийца совершил ещё один проход по обломкам, чтобы убедиться, что ни один дуардин не пережил это падение, и лишь затем вернулся и забрался на лошадь. Он развернул своего белоснежного коня на восток и, низко опустившись в седле, отправился по следам Готрека, Маленет и Азиза.

Глава десятая

Они увидели Восемь Столпов, когда тьма снова подползла к дюнам. Маленет, двигавшаяся впереди своих спутников, взобралась на отвесную пустынную скалу и неожиданно обнаружила руины, раскинувшимися прямо под ней - возвышающиеся, источенные песком столбы, которые, собственно, и дали название этому месту, и огромное пирамидальное строение, что лежало в конце колоннадного пути. Место последнего упокоения какого-то человеческого властелина, и, по мнению провидческого ковена Баркаша, надписи о местонахождении Топора Гримнира. Руины лежали в конце длинного ущелья, окаймлённого отвесными стенами из сухого жёлтого камня.

Ещё в самом начале их пути из Баркаша на фургоне Азиза тот рассказал им, что вокруг пирамиды давным-давно образовался город, вечно в тени их погребённого господина. Медленная, коварная работа пустыни стёрла следы древнего поселения, но недавно обретённое богатство Триградья вызвало оживление интереса к Костяной пустыне и её потенциальным секретам. Авантюристы, охотники за артефактами и мародёры начали стекаться в Восемь Столпов, мнимые невероятными легендами о богатствах, которые якобы были похоронены вместе с основателем пирамиды.

Их прибытие привело к возникновению нового города. Как и Халед-Туш, в основном он представлял собой весьма неряшливо выглядевшее скопление фургонов, превращённых в жилье. Палатки и навесы, грубые хижины из земли и камней кучковались вокруг оснований каждого из восьми великих столпов, а пространство между ними кишмя кишело от снующих туда-сюда людей. Влажный ветер нёс с собой стук киров и звуки голосов.

- Пахнет неприятностями, - заметила Маленет, мрачно оглядывая ставший поселением неряшливый лагерь.

- Не больше, чем обычно, - ответил Готрек.

Они спустились по склону ущелья и по каменистой тропке направились к окраинам Столпов. Хиш садился, и возвышавшиеся скалы облегчали взор его огненного ока. Маленет слишком утомилась, чтобы ощутить благодарность даже за подобную краткую передышку. Она устала и голодна. Часть её жалела, что не погибла при крушении фрегата. Вне всякого сомнения, любое посмертие, что ждало бы её, было всяко лучше этого обжигающего жара, который иссушил и обжёг руки, шею и лицо; боли, что билась в конечностях; жажды, что скручивала горло, и голода, что вгрызался во внутренности.

Азиз, ковылявший рядом, выглядел ненамного лучше. И только Готрек казался неутомимым. Она была уверена, что это не просто вошедшая в легенды дуардинская выносливость. Возможно, это было даже больше, чем старшая руна. Когда Готрек что-то решал, то уже ничто не могло сбить его с пути, и меньше всего такие пустяки, как голод или физическое истощение.

Готрек решил, что он дойдёт до Восьми Столбов, и потому он туда дойдёт.

Когда они приблизились к крайним фургонам, над долиной прокатился грохот взрыва. После того, как ветер унёс эхо взрыва прочь, на некотором отдалении от подножия пирамиды поднялись дым и пыль. Впрочем, исходя из того, что в лагере это не вызвало особой реакции, Маленет пришла к выводу, что просто какой-то из достаточно богатых кладоискателей с помощью взрывчатки пытался пробиться в одну из гробниц.

Интересно, задумалась она, что о подобном осквернении думали жрецы Молнии. Они ухаживали за храмом, расположенным в горах в нескольких милях от ущелья, так давно, что никто из Костяной пустыни уже и не мог вспомнить, когда было иначе. Жречество служило правителю, чья гробница теперь лежала перед Маленет, и направляло его к вящей славе Зигмара. Присоединение ордена Азира состоялось куда позже, но оно прошло гладко, ведь служение Громовержцу объединяло, и храм отдал ордену форпост в Акши, в регионе, чьи города с каждым днём приобретали всё более важное значение.

Маленет решила, что сходит к ним, неважно, с Готреком или без. Быть может, орден наконец избавит её от обязанности следовать за раздражительным дуардином.

- Эти человечки, - прорычал Готрек, пока они углублялись в поселение, - тоже ищут Топор Гримнира? Я лучше проведу остатки своих дней, пожирая дерьмо гроби, чем позволю одному из жалких умги этих

владений добраться до него первым.

Слова были обращены к Азизу. Тот устало оторвал взгляд от носков своих сапог и покачал головой.

- Нет, селлах, - ответил он. - По крайней мере, я не думаю, что они ищут здесь что-то конкретное. О богатстве Восьми Столпов ходит множество легенд, и они не только о Топоре Гримнира.

Что, очевидно, было правдой. По мере продвижения к пирамиде Маленет получила должное представление о работе старателей. Не довольствуясь попытками проникнуть в пирамиду, они с тем же успехом пытались взломать и сами столпы. Ближайшие к ним колонны облепили шаткие деревянные леса, и Маленет могла видеть десятки мужчин и юношей, зачастую обнажённых до пояса, вгрызавшихся в древние конструкции различными инструментами. Воздух наполнился звуком тяжкого труда, перемежаемого грохотом очередных взрывных работ, идущих дальше вверх по ущелью.

- Ты всё ещё думаешь, что сможешь отыскать топор прежде остальных? - поинтересовалась Маленет у Готрека, когда они прошли уже достаточно глубоко внутрь поселения. - Если в этой могиле и есть надпись, указывающая на его местонахождение, десятки глупцов и горячих голов отправятся искать его в тот же момент, когда она будет расшифрована.

- Топор, мой топор, не будет найден, пока не будет найден, - стоически ответил Готрек.

- Орден Азира наверняка смог бы помочь тебе в поисках, - продолжала настаивать Маленет. - Наши агенты повсюду в Смертных Владениях. Ничто не проходит мимо нас. Мы можем помочь тебе отследить его вероятное местонахождение.

- Или же лишит меня свободы, - ответил Готрек, не глядя на альфийку. - Ты думаешь, я слишком опасен, и ты боишься, альв. Так что ты запрёшь меня в своём храме. Ну или, по крайней мере, попытаешься.

Маленет проглотила свой ответ, зная, что дуардин всё равно отделается от неё какой-нибудь оскорбляющей её народ фразочкой.

- Нам нужно жильё, - вместо этого обратилась она к Азизу. - Ты уже был в Восьми Столпах?

- Дважды, - его обычный энтузиазм заметно поубавился после испытаний последних двух дней. - Оба раза я привозил еду для мастера Азалама. Его подрядчики позволили мне спать в одном из его хранилищ.

- Да везде, где угодно, - отмахнулась Маленет. - Кроме того, нам нужно есть.

- Я приготовлю, - ответил Азиз. Перспективы заставили его слегка приободриться. - У меня всё ещё есть деньги селлахов, данные в Халед-Туш. С ними я смогу много чего купить!

Маленет позволила юному вознице взять дальнейшее на себя. Он вёл их напоминающее чью-то нору скопище из грубых зданий, строительных лесов, лагун и фургонов, которые приткнулись к одному из столпов. Азиз довольно долго торговался о чём-то на своём родном пустынном языке с подозрительно выглядевшим мужчиной с безукоризненно промасленной чёрной бородкой, облачённым в красный халат скотоводческой гильдии Мерпорта. В конце концов, человек уступил, раздражённо всплеснув руками, и жестом показал им шагать к шатким амбарам крупного рогатого скота, примостившимся в тени большой каменной колонны, между двумя рядами сараев, которые использовались для просеивания добытого из столпа камня.

- Говорят, что в основании столпы из чистого золота, - пояснил Азиз, проводя их в сырую тесноту сарая. Зловоние навоза и стук и шарканье копыт в грязи обрушились на чувства Маленет, и её глаза выхватили дюжину секачей, сбившихся вместе за стойлами в дальней части сарая. Она поморщилась. Мгновение Маленет озиралась вокруг, раздумывая попытаться ещё раз уговорить дуардина пойти вместе с ней в храм Азира, но твердолобость Готрека вкупе с её собственной усталостью заставили альфийку отказаться от этой затеи. Она выбрала кучу грязной соломы, использовавшейся в качестве корма для скота, и рухнула на неё как подкошенная.

- Я принесу еды, - сказал Азиз.

- Всё, что сможешь найти, - согласилась Маленет.

- Я собираюсь поглядеть на пирамиду, - проговорил Готрек. - Не ходи за мной. Твои оплошности привлекают слишком много внимания.

Глава одиннадцатая

Тьма уже ползла по ущелью, когда вернулся Азиз и разжёг огонь возле входа в сарай. Он оказался прав в том, что данного Готреку золота огненных истребителей ему будет более чем достаточно. Купленный им котёл вскоре был наполнен соблазнительной смесью бобов, трав и специй. Но, даже несмотря на все эти запахи, Маленет соскользнула в полудрёму, пока ждала, её обычная настороженность, которая бы заставляла её бодрствовать в подобном месте, сдалась под напором усталости. Это был не просто отдых - воспоминания о Джакари и их насильственном разделении преследовали её впервые за долгие годы. Так что она даже испытала благодарность, когда её разбудил аромат приготавливаемого Азизом варева.

- Бобы вараби добавляют вкуса, а специи раскрывают его полностью, - сказал Азиз, сидя на корточках рядом с котлом и вглядываясь в пузырящееся варево. С серьёзным кивком он зачерпнул блюдо ложкой и протянул ей.

Она была слишком голодна, чтобы сопротивляться. Варёво было вкусным, но лишь усилило боль в животе.

Вскоре вернулся и Готрек. Он где-то достал или купил чистую тряпку и перевязал рану на руке. Судя по количеству крови, уже пропитавшей бинты, рана по-прежнему нуждалась в уходе врача.

- Как там пирамида? - спросила Маленет, когда Истребитель присоединился к ним. Азиз начал разливать суп по трём глиняным мискам, которые он приобрёл вместе с едой.

- Вход запечатан, - ответил Готрек. - Умги пытаются взорвать проход, но они не знают основ использования взрывчатки и где её применять.

- И ты не собираешься просветить их?

Готрек издал лающий звук, который можно счесть за смех.

- Лучше смотреть, как людишки повзрывают друг друга и какие части подлетят выше всего. Я попробуюсь другим путём.

- Другим путём? - спросил Азиз, расставляя миски.

- Всегда есть другой путь. - Готрек поднял миску и принялся. - Что это?

- Рецепт моего племени. Мы зовём это "калем". Тебе понравится, мастер дуардин, обещаю.

Готрек отхлебнул и нечленораздельно буркнул. У Маленет не было подобных сомнений - она была слишком голодной, чтобы сомневаться. Она выпила бульон целиком, терпя мощь специй, которые добавил Азиз для вкуса.

- Я зайду со стороны завала. Там есть пути. Старые пути, - сказал Готрек, смотря в огонь под котелком Азиза. - На камнях есть отметины туннельных работ.

- Есть истории о скрытых путях, которые ведут в великую пирамиду, - сказал Азиз, набивая рот варабскими бобами. - Многие ищут их, но ещё никто не нашёл.

- Я сомневаюсь, что среди них были гномы.

- Если есть тайный путь, то жрецы Храма Молнии должны знать о нём, - ответила Маленет, она моментально осушила свою миску, о чём теперь жалела. Её живот болел, ей не стоило есть так жадно и так быстро. Давно она не находилась на грани истощения.

- Говорю в последний раз, я не пойду к твоим проклятым жрецам, - выплюнул Готрек. - Если тебе нужна эта чёртова руна, то почему бы тебе не достать свои миленькие маленькие ножички и не попробовать вырезать её из моей груди?

Ответа не последовала. Маленет знала, что ей нужно прекратить подначивать Готрека пойти в Орден Азира, но аванпост был так близко, что было сложно удержаться и не попробовать. Если она сможет сдать им дуардина, то наконец-то избавится от него и его непереносимой упёртости.

- Ты не найдешь топор в одиночку. Восемь Владений огромны, даже боги не способны обойти их и узреть всё. Или ты ищешь не топор... - она сделала паузу. - Феликс. Так его звали?

- Не говори о человеке, альв, - проворчал Готрек. - Его больше нет.

Очередной взрыв прогремел в ущелье, отразившись от его гладких стен, словно в гармонии с гневом дуардина. Маленет проигнорировала это.

- Орден может помочь тебе. Если он жив, то они найдут его.

- Проклятье ржавчины на твой чёртов Орден! Я сказал тебе, его больше нет! Теперь мне плевать на него!

- Опять, ещё одна ложь, дуардин, - усмехнулась Маленет.

Ответ Готрека оказался не тем, которого она ждала. Он ничего не ответил. Вместо этого его взгляд переместился куда-то за костёр, и спустя несколько секунд дуардин пробубнил проклятье на своём странном наречии. Маленет едва отметила его слова, прежде чем грохот заставил её вскочить на ноги, опрокинув в грязь остатки Азизова варева из своей миски. Она проследила за взглядом Истребителя.

Взрыв, который они слышали, не был очередной попыткой взорвать вход в пирамиду или разломать один из столпов. Умышленно или нет, но кто-то установил заряды у западного основания ущелья. Теперь грохочущий звук стал провозвестником лавины из камней и грязи, что понеслась к одному из столпов, когда часть стены ущелья обрушилась. К столпу и ютившемуся у его подножия поселению. К столпу и поселению, которое они сами выбрали для ночёвки.

- Проклятые крысы, - пробормотал Готрек.

- Шевелитесь! - закричала Маленет, хватая свою сумку, валявшуюся у входа в сарай. Свет Хиша внезапно вновь окутал колонну у них за спиной - обрушившаяся верхняя часть ущелья открыла опускающуюся сферу. На его фоне катящаяся к ним с тяжеловесной неотвратимостью стена грязи и пыли стала видна ещё более чётко.

Азиз перепрыгнул через костёр и припустил со всех ног, забыв о еде. Готрек не двигался, и Маленет задумалась, а не собирался ли дуардин остаться на месте и встретить надвигающуюся лавину лоб в лоб - камень против камня. Она могла себе представить, как вспыхивает старшая руна и падающая лавина разлетается во все стороны, разбрасываемая одной лишь непреклонной решимостью Истребителя.

И тут она осознала, что Готрек побежал.

Маленет развернулась и припустила за ним.

Мир затрясся, земля под ногами и воздух вокруг них задрожал от веса надвигающегося обвала. Лагерь вокруг погружался в хаос, пока недоверчивые старатели, наконец, осознавали происходящее и обращались в бегство. Воздух наполнили крики людей и мычанье и рёв испуганных животных. Палатки рвались и растаптывались, навесы рушились. Ошалевшие от испуга искатели сокровищ опрокинули фургон, оставив его обитателей в ловушке, их крики и вопли о помощи затерялись в царящем гаме. Маленет ощутила, как её со всех сторон сдавливает масса вонючих, сверкающих белками глаз людей, выскакивавших из своих лачуг и караванов.

Толпа подхватила их и потащила, и не важно, куда они сами хотели идти, даже всей силы Готрека не хватило, чтобы противостоять этому напору. Она потеряла Азиза, грохот лавины заглушил все звуки, а земля тряслась так сильно, что люди целыми группами валились с ног, чтобы быть безжалостно растоптанными бегущими следом.

Она попробовала выкрикнуть имя Готрека, одновременно пытаясь остаться на ногах и не быть затоптанной паникующими старателями. Внезапная боль в руке заставила её задохнуться. Она споткнулась, лицо исказила гримаса боли. Маленет подняла руку. Кровь струилась из длинной раны в её бледной плоти, прорезанной от запястья до локтя. Зашипев, она сжала рану, пытаясь понять, кто - или что - её ударил, но в окружавшей её толчее это оказалось не так уж и легко. Всё это время лавина наполняла мир громом, ярость стихии в этот вызывающий судорожное сердцебиение момент отчаяния казалась настолько могучей, словно это был смертельный крик самого творения.

Следуй за дуардином, дитя!

- Альв!

Рыкающее слово, теперь такое знакомое, наконец, позволило ей отыскать Готрека. Истребитель запалил свой топор и свет его рунических огней позволил дуардину расчистить немного пространства вокруг. Он схватил Маленет за пояс и притянул к себе.

- Гномы никогда не должны бегать, - прорычал он, поднимая топор и поворачиваясь к надвигающейся стене пыли и камней.

- Ты свихнулся? - спросила Маленет, её голос был едва слышен.

- Не больше, чем ты, - хмыкнул дуардин, и начал пробивать себе путь обратно, туда, откуда они пришли.

Маленет инстинктивно дёрнулась за ним, но затем остановилась и задумалась. Возможно, Готрек и был полубогом. Быть может, он и выдержал бы столкновение с лавиной. Однако у неё не было ни единого шанса.

Глупая девчонка, рывкнула карга, я сказала, следуй за дуардином!

- Ты так сильно хочешь, чтобы я как можно скорее предстала перед Кхаином, - горько сказала Маленет. Она всё ещё зажимала порез, руки покраснели от крови.

Я хочу, чтобы ты добралась до этого проклятого столпа.

И тут Маленет, наконец, поняла. Он не бежал к лавине. Он пытался добраться до основания одного из восьми столпов до того, как его накроет оползень.

Она рванула за Готреком. Толпа меж тем поредела. Впереди она увидела тягучее болото из земли и камня, крушащее и поглощающее лагерь. Один из столпов стоял на его пути, непокорная башня, изрезанная шрамами и покрытая отметками от инструментов алчных смертных. Маленет со всех ног припустила к его основанию, быстро догоняя Готрека. Сердце стучало как бешеное, усталые ноги горели, но она добралась сперва до тени колонны, а затем и до самого иссушенного Хишем камня, врезавшись в поверхность столпа. Готрек прижался рядом секунду спустя.

Не было времени для слов. Поток грязи охватил их, врезавшись, словно кулак бога, в противоположную сторону столпа и погрохотал с обеих сторон. Вес и импульс тащили его мимо, но не полностью, оставив альфийку и дуардина стоящими в пустом пространстве, созданном основной массой колонны. Маленет закрыла лицо неповреждённой рукой, убрав раненную за спину, пока в них бились песок и камни, и на миг, растянувшийся в целые эпохи, казалось, что оползень вот-вот обогнёт столп и примет их в свои сокрушительные объятия, измельчая вместе с остатками лагеря и всеми теми душами, что оказались слишком медленными.

Но этого не произошло. Лавина уже истратила слишком много сил. Она прошла с обеих сторон столпа, но почти сразу стала замедляться, пока, наконец, не остановилась. Каменная кладка самого столпа слегка сдвинулась, но выдержала.

- Я же говорил, что они знать не знают, как использовать взрывчатку, - хмыкнул Готрек.

Маленет не ответила. Её охватила боль, обжигающее чувство пробежало по всему телу. Она зашипела, и следующее, что осознала, что стоит на коленях, прижимая обе руки к бокам и сдавливая рану ладонью. Готрек что-то говорил, но она не могла разобрать ни одного слова. Шипение превратилось в крик, и боль стала ещё сильнее. Казалось, внутри разожгли костёр, и внутренности охватил огонь. Она почувствовала руку Готрека на плече.

- Рана, - сумела выдавить она из-за стиснутых зубов. - Кто-то... в толпе... Рана отравлена.

Глава двенадцатая

Первосвященник Шал`ек был вырван из своих заутренних молитв одним из служек. Главная молитвенная комната храма была скромным и тихим местом, только скопление свечей вокруг алтаря-молота освещало жёлтые стены и скамьи из грубо обработанного камня.

- Это Зельджа, ваше святейшество, - сказал юноша. Первосвященник открыл один глаз и нахмурился. Он никак не мог вспомнить этого служку.

- Что случилось с Зельджей, дитя? - спросил священник с истощённым лицом.

- К воротам прибыли путешественники. Она прислала меня сообщить вам об этом.

Зельджа, капитан храмовой стражи, была обучена достаточно хорошо, чтобы спроваживать неожиданных посетителей, особенно когда рассвет был всего лишь проблеском над далёкими дюнами. Шал`ек предположил, что случилось нечто, что потребовало его личного разъяснения, но это не остановило его от того, чтобы излить немного раздражения на безымянного посланника.

- Капитан Зельджа не нуждается в том, чтобы я приказал ей следовать обычным приказам и попросить их уйти. Чего же она хочет от меня?

Стоя на коленях пред молотом-алтарём, Шал`ек не мог видеть мальчика, но ему и не нужно было, чтобы представить, как тот начинает юлить.

- Капитан... Она сообщает, что они могут заинтересовать ваше святейшество. Их трое: человек, дуардин и альф.

Второй глаз Шал`ека распахнулся а выражение на лице сменилось на изумлённое.

- Альф и дуардин, похоже, ранены, - продолжил мальчик. - Альф без сознания.

- А что с третьим?

- Зельджа говорит, что это возница из пустыни.

Шал`ек хмыкнул и встал. Коротко склонившись перед алтарем, он сотворил знамение молнии двумя перстами и повернулся к мальчику, который упорно избегал смотреть ему в глаза.

- Покажи мне, - приказал Шал`ек.

- Я считаю до десяти, - проревел голос из-за деревянных ворот храма. - *Онг!*

Сверкающий взглядом Шал`ек подошёл к воротам с тащившимся на хвосте служкой.

- *Тук! Две!*

- Дуардин? - требовательно спросил первосвященник капитана Зельджу. Скрытая вуалью капитан стражи стояла рядом с воротами, обнажив ятаган. Десяток её людей расположились на парапете стены над воротами, освещаемые светом жаровен.

- *Фут!*

- С ним человек и он, кажется, поддерживает альфийку в одеждах храма Убийства, - ответила Зельджа. - Утверждают, что она умирает.

- *Сак! Сиз! Сем!*

- Это она? - спросил Шал`ек. - Одна из грешниц Ордена?

Вопрос остался без ответа.

- *Одро! Нук!*

- Вайсс знает? - спросил Шал`ек, подходя к смотровой щели в толстых деревянных створках.

- Я никого не посылала, чтобы разбудить его, - ответила Зельджа.

- Дон!

Шал`ек посмотрел в щель. Всё, что он успел увидеть - размытое движение, за которым последовал рёв и грохот удара, от которых он едва устоял на ногах. Первосвященник моргнул. Острый краешек топора сверкал в дюйме от его носа. Если бы звук расщепления двери не заставил его отпрянуть от створок, то этот топор раскроил бы его череп.

За воротами раздалось ворчание, и лезвие топора исчезло.

- О-он взламывает ворота, - промямлил Шал`ек.

- Лучники, - приказала Зельджа. Над воротами раздался звук накладываемых на тетивы стрел.

- Я бы этого не делал, человечки, - раздался рёв из-за ворот. Последовал ещё один сокрушающей силы удар, и лезвие топора снова появилось в щели вместе с ливнем щепы. - Сейчас я бы лучше посрубал бошки, чем порубил дерево. Дайте же мне повод.

Стражники Зельджи посмотрели на неё, а она, в свою очередь - на Шал`ека. Первосвященник попытался отыскать ответ, но все мысли вылетели из головы, когда он уставился на лезвие топора, в третий раз прорубившегося сквозь створки храмовых ворот, чуть выше запирающего бруса. Ещё один - с силой и мощью, казавшимися чем-то неестественным - и ворота будут открыты.

- Альфийка с тобой, - раздался голос сбоку от Шал`ека, едва не заставив его подпрыгнуть, Это появился Вайсс, одетый только в ночную сорочку, его пухлое лицо побледнело от недосыпа, - как её зовут?

Удары топора приостановились. Голоса за воротами, кажется, слегка поспорили. Затем голос ответил.

- Дурацкие альвийские имена, будь я проклят. Ведьмин Клинок.

- А ты, - снова спросил Вайсс, - должно быть - Готрек Гурниссон?

- Я нашёл единственного человека в этом безумном мире, у которого есть хоть немного здравого смысла?
- раздался рёв.

- Похоже на то, - пробормотал Вайсс, после чего повернулся к Зельдже и отдал приказ. - Открывай ворота и побыстрее.

- Ты спятил? - прошипел Шал`ек. - Этот дуардин явно свихнулся. Он прикончит нас всех.

- Альф - ценный член ордена Азира, - спокойно пояснил Вайсс. - И дуардин, Готрек... Он совершенно иной. Нечто большее, чем мы в силах понять.

Протесты Шал`ека были прерваны открывшимися порубленными вратами. Дуардин, не колеблясь, шагнул внутрь. Вайсс оказался прав - он не походил ни на кого, виденного первосвященником до этого. На его покрытой шрамами и татуировками груди была всего лишь одна руна, злобный образ бога дуардинов, его огромный топор полыхал огнём. Как и взгляд его единственного глаза.

Шал`ек всю свою жизнь провёл в поклонении богам. Но он не ожидал, что предстанет перед одним из них. Он всхлипнул.

- Харе стоять столбом, - рыкнул дуардин, заставив даже Зельджу неуютно поёжиться. - Я знавал лучшее

приветствие в трупных замках проклятой Сильвании! Чёртова альвийка постоянно болтала о вас - так что можете хотя бы помочь ей!

Дуардин кивнул в сторону двух фигур за его спиной, что медленно ковыляли внутрь. Одна была потрёпанного вида пустынным возницей, судя по его шапке. Другая, неумело поддерживаемая юношей - бледной альвийкой в пурпурных шелках и тёмной коже. Она была без сознания, но когда они с мальчиком пересекли порог, задрожала и её вырвало. В рвоте была кровь.

- Так, вы, - рявкнул Вайсс на жрецов Шал`ека, выползших из своих келий, чтобы поглядеть на происходящее - берите альфа и тащите в лазарет. И кто-нибудь, быстро разбудите Драз.

Архихирург Абул Драз был разбужен главным пивочником храма. Он пришёл в себя, хватая ртом воздух, и что есть силы вцепился в рабочий халат мужчины.

- Мои извинения, селлах, - пробормотал лекарь, Блемес, аккуратно освобождаясь из рук вцепившегося в него Драз. - Это первосвященник. Он требует вашего присутствия.

- Который час? - грубо спросил Драз, поднимаясь на своей койке. Блемес разжёл свечу и её мерцающий огонёк осветил голые стены спальни архихирурга. Из-за оконных ставень виднелся лишь слабый намёк на рассвет.

- Несколько минут после заутрени, - ответил лекарь. - У нас посетители, и они ранены.

Драз скинул ночной колпак и свесил ноги с кровати. В подошвы болезненно ударило холодом от камня пола. Ночной мороз ещё пронизывал древний, растрескавшийся песчаник храма.

- Они в лазарете, - продолжил Блемес, поворачиваясь спиной, чтобы дать Дразу одеться. Архихирург кое-как натянул свои одежды, потирая спящие глаза и удивляясь, кто же это заявился в храм ночью, да ещё получил позволение войти. С той поры, как начались раскопки в Восьми Столпах, всё больше и больше людей поднималось по высокому ущелью к храму в поисках помощи и припасов. Шал`ек, первосвященник Молнии, приказал всех отсылать прочь. Только Вайсс, прикрепленный к храмовому жречеству бледнолицый представитель ордена Азира, мог отменить решения Шал`ека в самом храме, а он редко отрывался от своих докладов и небесных предзнаменований, что загромождали его кабинет.

- Ну, веда, - приказал Драз Блемесу, кое-как разглаживая одежду и набрасывая рабочий халат. После чего пошёл за лекарем по пыльному коридору, соединявшему его келью с главным лазаретом храма.

Помещение было таким же маленьким и неприхотливым, как и остальная часть храма. В нём был вымытый стол, пять больничных коек и шкаф с хирургическим запасом Драз - настойки и флаконы, измельчённые травы и коробочки с припарками - и несколько банок с пиявками Блемеса. В комнате периодически оказывали помощь странствующим паломникам или жрецам и служкам храма, ставшим жертвами лихорадки. И, конечно, здесь никогда не бывало столь невероятно выглядевшее трио, как те, что предстали перед Дразом.

Первым он увидел дуардина. За исключением львиномордого наплечника он был обнажён по пояс и покрыт метками Хиша - покрасневшую кожу испещряли волдыри, свидетельствующие о днях, проведённых под палящими лучами в Костяной пустыне. Драз узнал красный гребень огненного истребителя, хотя у этого был, казалось, всего один фрагмент пра-золота, яркая руна в груди. Чрезвычайно мускулистый воин повернулся, и Драз резко выдохнул, увидев его лицо. Половина его была высохшей и деформированной, словно бы на века опередила остальное тело, единственный глаз дуардина напоминал камень, однако Драз увидел в нём отблеск огня горнила, когда взор огненного

истребителя упал на хирурга.

- Хирург, - поприветствовал его Вайсс. Тучный агент ордена Азира стоял сразу за дверью, рядом с первосвященником Шал`еком. Он был маленьким, сварливым человеком, вечно потеющим и краснолицым от жизни в сердце пустыни, его вышитые с буфами рукава, белые чулки и накрахмаленный воротник составляли резкий контраст с деревенской дерюгой, которую носило жречество. Выглядел он, впрочем, как будто одевался в спешке.

- Эти паломники нуждаются в твоих навыках, - сказал Вайсс, нерешительно указывая в сторону безмолвного дуардина. Драз решил, что он имел в виду руку Истребителя - она была грубо перевязана полосками холстины, грязна и покрыта кровью. Но затем понял, что кровать позади дуардина была занята. На неё лежала бледная женщина - альфийка. На противоположной стороне сидел молодой человек с широко распахнутыми глазами, одетый в покрытую грязью коричневую накидку и шапку купеческого возницы.

- Этот альф - слуга Ордена, - сказал Вайсс, чувствуя страх и растерянность Драз. - Она была отравлена. Мы с Шал`еком хотим, чтобы вы с Блемесом сделали всё возможное, чтобы спасти её.

Шал`ек, высокий и мрачный, кивнул. Выражение его бледного лица явно говорило о его недоверии к вновь прибывшим, но, очевидно, Вайсс был не в настроении спорить - он и правда редко выходил из своего кабинета.

- Ты целитель?

Это заговорил дуардин, его сухой голос напоминал скребущиеся друг о друга пустынные скалы. Дразу удалось кивнуть. Ему не доводилось прежде слышать о какой-либо форме близкого родства между альфами и дуардинами, но Истребитель стоял над сражённой альфийкой, словно сторожевой пёс. Драз кинул взгляд на сверкавшие в свете свечей острые края тяжёлого боевого топора дуардина, висевшего за его спиной.

Дуардин оглядел его долгим взглядом. Дразу показалось, что прошли века, пока, наконец, Истребитель не отступил в сторону и не дал ему дорогу. Драз и Блемес приблизились и архихирург преклонил колени перед раненной альфийкой.

Она была бледна даже для её рода, её губы приобрели синюшный нездоровый оттенок. Альфийка была облачена в узкую кожу, хотя руки, по большей части, оставались открытыми. Одна была обмотана полосами ткани, покрытой корочкой крови и желтоватой жидкости.

Драз запустил руку в карманы своего халата и вытащил тонкий клинок. Он почувствовал, как Истребитель напрягся при виде острой стали, и замер, но когда дуардин ничего не сказал, осторожно разрезал засохшую ткань и снял повязку.

Рану покрывала корка крови. Драз подошёл к умывальнику и намочил полоску марли. Блемес же в это время копался у шкафа, вылавливая из банки своих пиявок с помощью палки с длинными зубцами. Драз вернулся к кровати и начал очищать рану. Альфийка слегка пошевелилась.

- Как её зовут? - спросил он, не отрываясь от работы.

- Маленет, - после небольшой паузы ответил дуардин, произнося альфийское имя с грубым дуардинским выговором.

- А вас?

- Я - Готрек Гурниссон.

- Вы - огненный истребитель?

Слова сразу стали легче приходить к Дразу, стоило ему полностью сосредоточиться на очищении раны альфийки. Так всегда происходило, когда он погружался в свою работу. Всю жизнь он был целителем в храме Молнии. Кем бы ни был пациент, он всегда был готов помочь тому, кого принимали жрецы. Это являлось его жизненным призванием, и он каждую ночь благодарил Молнию за то, что ему была дарована столь простая, ясная цель.

Дуардин, Готрек, немного поколебался, прежде чем ответить на последний вопрос.

- Я не знаю, являюсь ли я огненным истребителем.

- Любопытный ответ.

- Это любопытное место, человеке.

Драз прополоскал марлю, после чего снова встал на колени, чтобы осмотреть открывшуюся рану. Это был длинный, но не очень глубокий порез, шедший по предплечью альфийки. Разрез был точным, работа мастера клинка. Сама по себе она не была фатальной, но оставалось очевидным, что что-то ещё пыталось пропихнуть Маленет во врата Шайша.

- Её можно спасти? - спросил Вайсс из-за спины. - Она... агент, которого орден весьма желал бы сохранить.

- Сделаю всё, что смогу, - ответил Драз. Он положил скальпель на край кровати, после чего вытащил из недр халата два флакона. Раскрыв первый, он зажал нос альфийки, после чего влил ей в рот содержимое и помассировал горло, пока она не проглотила тёмную жидкость. - Я дал ей противоядие, подходящее для большинства известных ядов, но мне всё равно нужно взять образец её крови, на случай, если отравка будет слишком редкой и оно не поможет.

Он открыл второй флакон, а затем сделал надрез на руке Маленет на расстоянии пальца от основной раны. Он собрал в флакон несколько капель её крови, после чего закрыл склянку и промыл ранку.

Драз встал, слегка закряхтев, когда застывшие на холодном полу суставы распрямились, и повернулся к Блемесу.

- Не будете ли вы столь любезны, наложить чистые повязки? Мне нужно заняться этими образцами как можно скорее.

- Пиявки тоже? - спросил тот. Он к тому времени уже выудил одно из жирных чёрных созданий.

- Да, пожалуй, я не вижу, как это может навредить, расположите их вокруг раны. Возможно, им удастся предотвратить расползание отравы, если противоядие не подействует.

- Сколько? - прервал их Готрек.

- Простите?

- Сколько времени пройдёт, прежде чем ты узнаешь, подействовало ли противоядие?

- Прямо сейчас я не могу вам ответить. Может быть, мне придётся вернуться, чтобы взять ещё образцов.
- Я хочу, чтобы вы переместили её, - потребовал Готрек.
- Переместить её?
- Твоя кровать, наверняка лучше этой, - рыкнул дуардин, легонько пнув ножку кровати.
- Это простой монастырь... - начал было Драз, но его быстро прервал Вайсс.
- Она может воспользоваться моей, - заявил пышнотелый агент ордена Азир.

Драз нахмурился, но кивнул, в который раз задумавшись, кем же были эти путешественники. Ему ещё не приходилось слышать, чтобы Вайсс предлагал какую-либо милосердную уступку за все эти месяцы, что тот находился при храме. А третий, этот молодой пустынный, кто он такой? С тех пор как Драз вошёл в лазарет, юноша не проронил ни слова, не сводя глаз с альфийки. Напряжённость в его глазах тревожила почти так же, как едва сдерживаемая жажда насилия, исходившая от покрытого шрамами дуардина.

Шал`ек вызвал двух старших послушников, чтобы они помогли отнести альфийку в комнату Вайсса. Вместе с ними ушли и Готрек с юнцом, а следом и Блемес с бинтами и банками с пиявками. Драз вышел в другой коридор и спустился по вытертым каменным ступеням, держа в одной руке флакон с кровью альфийки, а в другой - свечу. Он прошёл под аркой внизу лестницы и зажёл светильник на стене от пламени свечи. Быстро разгорающееся пламя осветило выдолбленную в сухой скале сводчатую комнату. Ещё одна арка в дальнем её конце вела в храмовый склеп, где несколько поколений священников были похоронены в многоуровневых нишах. Давящая темнота этого входа всегда заставляла Дразу неуютно поёживаться, и посему он никогда не переступал порог склепа - его дела касались живых и тех, кого ещё можно было спасти.

И это дело привело его к длинному столу, который заполнял пространство в остальном полупустой комнате, лежащей между ступнями лестницы и костями храмового жречества. Объекты на нём закрывали куски старой ткани, но он осторожно снял её и свернул, один за другим, открыв систему мензурок, горелок, ступок и фиалов. Он зажёл горелки, проверил, чтобы металлический каркас, в котором были собраны различные чашки и стаканы, был правильно установлен, а затем сел на скамейку, идущую вдоль всего стола.

Он устал и предпочёл бы проверить ингредиенты, прежде чем испытывать образец. Время, однако, было не на его стороне. Ему даже не нужно было обладать богатым опытом, чтобы понять - альф долго не протянет.

Он откупорил пузырёк с кровью Маленет и позволил одной капле стечь в стакан в самом начале установки, пробормотав при этом избитую молитву Молоту и Молнии. Он внимательно следил за каплей, пока она просачивалась в другой флакон, заполненный серым порошкообразным веществом. Вместо того, чтобы приобрести красный цвет, порошок стал тёмно-фиолетовым. Драз хмыкнул и вылил ещё одну каплю, на сей раз в другую часть аппарата - металлическую ложку, закреплённую над одним из толстых огарков свечи. Когда единственная капля зашипела и начала испаряться, Драз вытащил щепотку измельчённых трав из горшка рядом со свечой и посыпал их на ложку. Он поморщился от приторной вони, которую испустили сгоравшие травы, однако не отвёл взгляд от завитков дыма, которые поднялись от обугленных останков.

По-прежнему пусто.

У него оставалась всего одна капля, после чего ему снова придётся отправиться к альфийке и взять ещё крови для анализов. Он сомневался, что её спутники это одобряют.

Драз потёр глаза свободной рукой, после чего переместился по скамейке к дальнему концу стола. Там, над очередной горелкой в держателе в форме когтистой лапы была зажата колбочка с прозрачной жидкостью. Фитилёк свечи почти потерялся в море расплавленного воска, растёкшегося по краю стола. Он прикоснулся к колбочке, чтобы убедиться, что та нагрелась до необходимой температуры, а затем вылил в неё последнюю каплю.

Жидкость внутри окрасилась розовым. Он сморщил нос и собрался было что-то пробормотать, как вдруг раздался стук подкованных ботинок на лестнице и он чуть не подпрыгнул от неожиданности.

Весь стол вздрогнул от его резкого движения. Он застыл. Фигура чётко вырисовывалась на фоне горевшей на стене жаровни, закрывая единственный путь обратно в храм. Очертания огромного топора и гребня не оставляли сомнения в личности незваного гостя.

- Вам не следует здесь находиться, - запинаясь, пробормотал Драз. - Я пытаюсь работать.

- Да? - спросил Готрек, выходя на свет. От огня его золотисто-красный гребень и борода выглядели так, будто пылали собственным огнём. - И над чем же? - поинтересовался он, проходя вдоль скамейки. Драз отодвинулся.

- Я пытаюсь диагностировать текущее состояние вашей спутницы.

- Текущее состояние? Она умирает, - прямо заявил Готрек, останавливаясь на расстоянии руки от Дразы. С тех пор, как он появился в склепе, дуардин не делал ни одного агрессивного движения, но от его каменного взгляда, хирург поёжился.

- Это так, - неуверенно согласился он. - Но пока я не знаю, почему.

- Яд, - рявкнул Готрек. - Любой ваназ может это увидеть.

- Да. Она была отравлена. Но не из-за раны на руке.

Дуардин нахмурился ещё сильнее, и Драз поспешил объяснить.

- Ни в одном из взятых мною образцов крови не было ни единого признака яда. Какой бы клинок не порезал её руку, похоже, не он ответственен за её текущее состояние. А сама по себе, это, конечно, не смертельная рана.

Дуардин обошёл Дразы и взгляделся во тьму склепа. На мгновение хирург задумался, а слышал ли его Готрек.

- Я хотел умереть, в этом ничего нового, - медленно проговорил Готрек, казалось, разговаривая сам с собой. - Ничто не может принести мне гибель, которую я ищу. И в этом тоже ничего нового. Это единственное, что мне знакомо в этих проклятых реальностях. Но крысы пытались даже сильнее, чем обычно. Во имя обид Восьми пиков, никто из вас не понимает. Рогатый не остановится. Я тоже.

Бессвязные комментарии не имели для Дразы никакого смысла. Он пожал плечами, не желая разжигать гнев мрачного дуардина, задавая ему вопросы.

- Многие желают навредить слугам ордена Азира, - сказал он вместо этого.

- Орден, - пробормотал Готрек. - Она много говорила о нём. Даже хотела привести меня сюда. Я сказал ей, что эти её альвийские штучки меня не обманут. Я думал, что если приведу её сюда, кто-нибудь присмотрит за ней. Сбагрю её с рук. После последнего...

Он замолчал. Драз неловко пошевелился, размышляя, успеет ли добраться до выхода раньше дуардина. Возможно, он был пьян? Прежде он не был так близко ни к одному из их рода, но все слышали о пристрастии дуардинов к пиву. И, конечно, Дразу было сложно представить другие средства, чтобы выдержать боль от такого ужасного солнечного ожога.

- Ещё парнишка, - пробормотал Готрек. - Чем дольше они со мной, тем больше опасность. Они ничего не понимают о том, что значит искать погибель. Быть отвергнутым богами, чтобы встать и плюнуть им в лицо. Для них это просто игра. Особенно для мальчишки. Он присматривает за ней прямо сейчас. Я должен уйти сегодня же вечером, прежде чем они поймут, что я ушёл. Тогда, возможно, я сумею отыскать что-нибудь достойное моего топора в этих сводящих с ума владениях. Неужели нет ни одного демона или чудовища, способного дать мне окончательную смерть?

- К-кто этот мальчик? - спросил Драз, желая перевести разговор на что-то более приземлённое, чем мрачный, бессвязный разговор дуардина с самим собой.

- Правил нашей телегой, - пренебрежительно ответил Готрек. - Он был нашим провожатым. Типичный человек, впрочем... от него было больше проблем, чем чего-либо иного. Вы, люди в этом своём новом владении, ещё меньше заслуживаете доверия, чем те, которых я оставил позади. Предатели, трусы или просто глупцы.

- Он сопровождал вас к Восьми Столпам?

Некоторое время Готрек молчал, а затем резко развернулся к Дразу.

- Ты сказал, что рана не отравила её?

- Нет, яд проник не через порез на руке, - ответил хирург. - Мне нужно будет взять дополнительные образцы, но я подозреваю, что яд проник через пищу. Я... я полагаю, что она выпила отраву во время последнего приёма пищи.

- Её последняя еда, - пробормотал Готрек, а затем выругался. - За всем этим стояли вовсе не крысы.

Драз умолк, в страхе глядя на дуардина. Мгновение в склепе царила тишина. А затем Готрек столь внезапно сорвался с места, что вызвал у хирурга испуганный взвизг, и помчался вверх по лестнице.

Глава тринадцатая

Маленет чувствовала себя так, словно её внутренности грызли и жевали тысячи голодных паразитов. Эта боль вырвала её из забытья, заставила застонать и судорожно вцепиться в простыни.

Простыни. Она была в кровати, в простой комнате из жёлтого песчаника. На каменном столе рядом с кроватью стоял глиняный кувшин. Казалось, всё ещё стояла ночь - ставни были закрыты, а свет давала единственная масляная лампа, прикреплённая к стене рядом с дверью.

Она была не одна. Азиз тоже был в комнате, и стоял над ней. Он казался пойманным на середине движения, когда Маленет посмотрела на него.

- Укротитель рун приказал мне присмотреть за тобой, - произнёс возница, протягивая руку к кувшину. - Попей. Ты должна пить, селлах. Яд обезвоживает тебя.

- Ты вернулся, - прохрипела Маленет. Горло пересохло, а от новой вспышки боли, скрутившей кишки, Маленет содрогнулась. Она сжала живот обеими руками и застонала.

- Я убежал, когда увидел падающие камни, - признался Азиз. - А затем, когда всё успокоилось, отыскал дуардина, который нёс тебя. После этого я решил, что не могу вас бросить.

- Это храм Молнии, - выдавила она.

- Это храм, - согласился Азиз, протягивая ей кувшин. - Жрецы открыли нам ворота, когда Готрек показал им знак, который вы несли. Знак ордена Азира.

Маленет замерла.

- Я никогда не показывала его Готреку, - медленно произнесла она. Азиз не ответил. Вместо этого он разбил кувшин о стену над её головой. Сосуд разлетелся на черепки, и откинувшуюся на подушку альфийку залило водой. Зрение поплыло, и она содрогнулась от новой боли, пронзившей нос и правую сторону лица.

Часть её разума, инстинкт, отточенный десятилетиями служения в храмах Кхания, велела ей двигаться. Однако она не могла. Вокруг была лишь боль и ослепляющие вспышки света в глазах. Маленет всё же смогла приподнять руку, выдавив проклятье - пока та подсознательная часть, что ещё могла думать, вопила на неё во всё горло.

Это был Азиз. Всё это время это был Азиз.

Она вырубилась.

Сознание было болью.

Она жила.

Успокойся, дитя.

Она повиновалась своей бывшей госпоже, даже содрогаясь от ожидания вонзающегося в грудь кинжала. Мучительно медленно зрение снова вернулось к ней. Она моргнула и потянулась, чтобы вытереть кровь с глаз. Впустую. Её запястья оказались привязаны к столбикам кровати.

Она могла почувствовать вкус крови. Азиз стоял у кровати. В отблесках свечей его мальчишеская улыбка теперь казалась злобным оскалом. Покрывающие её простыни были залиты кровью. И, как осознала Маленет, почти вся она принадлежала не ей.

На краю кровати лежало тело, истекая кровью на каменный пол. Маленет узнала простое одеяние одного из служек храма. Судя по крови, покрывающей руки Азиза, именно он был тем, кто убил служку, а затем вскрыл ему грудь. Сердце, блестящее и сырое, лежало на кровати сбоку от неё.

Вид этого зрелища неосознанно заставил её вздрогнуть. Осознание нахлынуло на неё, вынудив задуматься. Это не скавены стояли за попытками убийства. И они даже не были направлены на Готрека. Всё это время пытались достать её.

Многие хотели её смерти, но мало у кого было достаточно ресурсов или садистских наклонностей,

которым она стала свидетелем с тех пор, как они отправились к Восьми Столпам.

- Джакари, - пробормотала она. Голос был глухим из-за забившей сломанный нос крови.

- Верно, - ответил Азиз, коротко кланяясь.

- Ты с самого начала работал на неё.

- Так и есть. Она наняла меня в Кальзуфе. На самом деле нас всех, хотя остальные оказались, кхм... менее способными. Зыбучие пески, яд и обвал - это всё моя работа. И вот - финал.

- Я должна была понять, кто стоит за этим, ещё в Халед-Туше, - пробормотала Маленет. - Будь проклят дуардин и его одержимость крысами.

- Семнадцать клинков, - заговорил Азиз. - Танец, который так много значит для вас обеих. Она чувствовала, что это было сколь очевидно, столь же и неотразимо. На мой взгляд, альхарабцы всегда всё излишне усложняют. Их методы столь драматичны. Гораздо проще просто завлечь кого-нибудь в зыбучие пески.

- Ты переставил путевые метки, - выплюнула Маленет, гнев заставил её напрячься в собственных путях. - Ты всё время порывался бежать впереди. Тебя в той долине ждала лошадь.

- Это правда, хотя я не ожидал увидеть вас обоих в Халед-Туше, - пожал плечами Азиз. - Я думал, ты оставишь дуардина. Ты должна была это сделать. Ведь ты ненавидишь его.

- Он слишком опасен, чтобы оставить его самого по себе, - ответила Маленет, отказавшись от попыток порвать верёвки, связывающие её запястья. - Но это не имело никакого значения, даже если бы я и сделала это, не так ли? Всё равно это никогда не касалось Готрека.

Азиз снова пожал плечами.

- У дуардина и так хватает охотников за его головой. Ты должна знать, что Джакари не интересуют руны или басенки о полубогах.

- Она тоже здесь, не так ли? Вот кого я видела тогда на дюне, а затем ещё раз с небесного корабля.

- Она очень заботится о тебе, - насмешливо ответил Азиз. - Настолько, что с готовностью удвоила мою плату, лишь бы я доставил тебе это сообщение, прежде чем убью тебя, вырву сердце и принесу его ей.

- Она слишком труслива, чтобы самой встретиться со мной, - прорычала Маленет, сплёвывая кровь.

- Так ли это мудро, самой проникать в хорошо защищённый форпост ордена Азира, когда можно использовать меня, скромного возчика.

- Ты сбил небесный корабль?

- Я не мог позволить этим болванам подвергать риску желания моего нанимателя, - признался Азиз. - Дуардины такие предсказуемые. Их жадность их ослепляет.

- А это? - спросила Маленет, кивнув в сторону полученной в Восьми Столпах раны на руке.

- О, это она. Не думаю, что она и вправду смогла бы сопротивляться возможности внести свою маленькую долю.

- Все эти люди в Халед-Туше мертвы из-за её одержимости, - прошипела Маленет, её голос срывался от ненависти. - На этот раз она зашла слишком далеко. Скажи мне, где она сейчас, и я убью тебя быстро. Откажись, и отдам тебя безумному дуардину. Я прикончу вас обоих, только чтобы более никто не попался в сети её озлобленности.

- Мне трудно в это поверить, - ухмыльнулся Азиз. - Если, конечно, ты не собираешься прикончить нас из загробной жизни. И можешь перестать пытаться ослабить верёвки, ведьма-убийца. Я знаю толк в узлах.

Маленет замерла, глядя как Азиз подошёл к ней и вытащил длинный тонкий кинжал из скрытых ножен на бедре.

- Я могу узнать, когда кто-либо просто тянет время, - прошипел он. - Я ожидал большего от воспитанницы храмов, Ведьмин Клинок.

Маленет услышала топот бегущих ног за мгновение до того, как опустился кинжал. Раздался треск, и она отчаянно изогнулась в своих пропитанных кровью простынях, когда дверь с грохотом разлетелась на куски. Нож попал в неё, но не туда, куда Азиз намеревался - из-за её отчаянного движения убийца поразил Маленет в бок, вызвав у альфийки сдавленное болезненное шипение.

Времени для второго удара у него не было. Готрек Гурниссон, сверкая руной и воспламенив топор, грузно протопал через разрушенный дверной проём.

- *Таггаз!* - взревел дуардин, перепрыгивая кровать и направляясь прямо к Азизу. Молодой убийца и не подумал встретить Готрека лицом к лицу. Он развернулся и побежал к окну, безумно тыкая кинжалом в закрытые ставни.

- Не должно замарывать топор кровью такого труса, - прорычал Готрек. - У тебя столько же отваги, как и у крысолюдов, предатель. Теперь ты умрёшь, как один из них.

Он замахнулся.

Азиз вскрикнул, как пойманный в ловушку кролик, но крик ужаса мгновение спустя был прерван звуком расчленяемого тела. Огнестормовая секира рассекла его от плеча до паха, кровь плеснула на ставни. Две половинки упали, как разрубленная пополам туша, кровь почти полностью скрыла пылавшую сердцевину топора. Готрек, тяжело дыша, несколько секунд молча смотрел на ужасные останки, гнев всё ещё наполнял его мускулистое тело. Затем, не поворачиваясь к Маленет, он заговорил.

- Никогда не доверяй никому, кто не может отрастить бороду.

Он повернулся к связанной альфийке.

- Это касается и тебя, маленькая убийца.

- Если посчитать харадронцев, то, как можно заметить, большинство тех, кто за несколько последних дней пытались убить нас, имели бороды, - прищурившись, ответила Маленет.

Единственный полыхающий огнём глаз Готрека озирает комнату, как будто Истребитель искал новых врагов, невидимых Маленет.

- Что ж, ты уладил этот вопрос, - сказала Маленет, с отвращением глядя на останки Азиза, и вдруг вздрогнула, когда её кишки заизвивались, но на сей раз не яд был тому причиной. - В конце концов, это оказались не крысюки.

- На этот раз, - ответил Готрек.

- Он был послан тенью моего прошлого, - пояснила Маленет, ощущение зажаривания заживо стало понемногу ослабевать. - Как и все остальные. И она не остановится, пока я не умру.

- Мне знакомо это чувство, альв.

Истребитель, похоже, окончательно смирился с тем, что в комнате больше никого нет. Огонь, который, казалось, исходил из руны и сверкал в его торчащем красно-золотом гребне, потускнел. Он подошёл к кровати Маленет, схватился за верёвки, удерживавшие запястья альфийки, и с лёгкостью разорвал их.

- В конце концов, ты всё же привёл меня в храм, - заметила Маленет, растирая запястья.

- Что ж, я решил, что это единственный способ заставить тебя заткнуться об этот храм и этом твоём ордене Азира. Или это, или задушить тебя во сне, но на последнее и без того было достаточно сказ, пытавшихся это сделать.

- Ты отказался от исследования надписи о Топоре Гримнира, - отмахнулась Маленет от неуклюжей попытки дуардина отшутиться. - Ты мог бы присоединиться к группе, исследующей столпы. Но ты решил вместо этого принести меня сюда.

- Если бы я знал, что ты будешь столько болтать, то оставил бы тебя в пустыне.

- Спасибо, Готрек.

Дуардин что-то проворчал на своём грубом языке, а затем присел на край кровати и положил топор на колени.

- Мне нужен кто-то, кто мог бы объяснить мне этот безумный мир, - тихо сказал он, обращаясь скорее к самому себе. Он повернулся и посмотрел в окно, в котором свет нового дня вновь окрашивал дюны. - Если бы я знал, что он пошлёт меня сюда, я бы плюнул в лицо Гримниру.

На мгновение, показалось что эпоха, изуродовавшая сторону лица дуардина, вернулась, и Маленет обнаружила, что смотрит на старого седобродого дуардина, с высохшей, покрытой шрамами плотью, сгорбившегося и одинокого, глядящего в странную, навязанную ему против воли реальность. Миг, и иллюзия исчезла, но откровение, что пришло вместе с ней, осталось с Маленет. Когда секира Готрека зажигалась, вспыхивала его старшая руна, и дуардин нёсся в гущу схватки, было легко поверить в легенды о бессмертии Истребителя. Увидев его теперь таким - вырванным из привычного мира, измученным всем, что он видел и что делал - Маленет убедилась в том, что он не был обычным дуардином, ещё сильнее, чем когда увидела его в хватке ярости. За все свои странствия по Владениям Смертных она не знавала никого и ничего, подобного ему.

- Тебе не нужно оставаться со мной, - произнесла Маленет. Он повернулся к ней, его старая половина скрылась в тени. - Он был последним, - уточнила Маленет, указывая на Азиза. - Последним из отправленных убить меня. Всё кончено, пока.

- Это никогда не закончится, - мрачно предрёк Готрек.

В комнате повисла тишина, пока Маленет снова не заговорила.

- Тогда, время Топора Гримнира. Ты сказал, что есть другой способ проникнуть в гробницу.

- Ты находишься в неподходящем состоянии для путешествия, даже несмотря на то, что твой ни на секунду не закрывающийся рот говорит о том, что противоядие действует.

- Дай мне время до утра, Истребитель. Я понадоблюсь тебе, если ты захочешь убедить орден отпустить тебя.

Готрек усмехнулся.

- Я с удовольствием бы посмотрел, как они попытаются остановить меня.

- О, уверена, такие, как Вайсс, попытаются. Кроме того, я тоже не собираюсь оставаться. Джакари всё ещё где-то там. Ждёт.

- Ты элги, - произнёс Готрек, вставая. - Если ты так относишься к тем, кого любишь, то я даже представить не могу, как ты относишься к врагам.

- Ты даже представить себе не можешь, Готрек Гурниссон, - ответила альфийка. Дуардин издал нечто похожее на смешок. Сокрушающая тяжесть, которую мельком увидела Маленет, когда мрачные воспоминания Истребителя вновь подступили к нему, ушла. Готрек перекинул секиру через плечо, кровь всё ещё стекла по её лезвиям.

- Пойду скажу жрецам людишек, что у них есть тело, которое нужно прибрать. Если ты не будешь готова двигаться к тому времени, как взойдёт солнце, альв, я уйду один.

- Если ты сделаешь это, то, клянусь, моя огнесталь сплетёт твою погибель, дуардин, - ответила она. Дуардин потопал прочь, и на лице Маленет появилась лёгкая улыбка. Затем она откинулась на кровать и, наконец, закрыла глаза.

Источник —

[https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Костяная_пустыня/_Bone_Desert_\(новелла\)&oldid=22124](https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Костяная_пустыня/_Bone_Desert_(новелла)&oldid=22124)

Эта страница в последний раз была отредактирована 18 января 2023 в 08:53.